

ПОКАТИ ГОРОШЕК

ПОКАТИГОРОШЕК

украинские народные сказки

ХУДОЖНИК
В. Гордийчук

ОФОРМИТЕЛЬ
В. Мирошниченко

Москва
«Детская литература»
1989

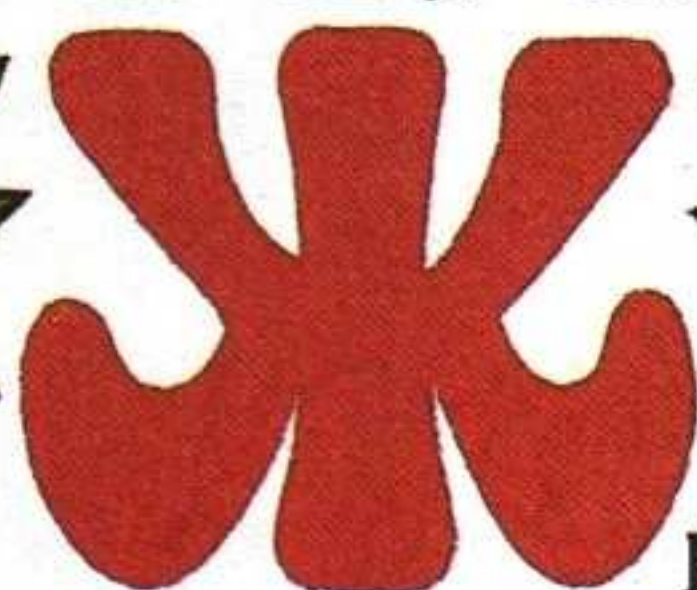
П 4803640104-489 Без объявл.
M101(03)-89

ISBN 5-08-001965-4

© Художник В. Гордийчук, 1989

СОЛОМЕННЫЙ БЫЧОК

или себе дед да баба.

Дед смолу гнал, а баба по дому управлялась.

Вот баба и стала донимать деда:

— Сделай ты соломенного бычка!

— Что ты, дурная! На что тебе тот бычок?

— Буду его пасти.

Дед, делать нечего, сделал соломенного бычка, а бока у бычка смолой засмолил.

Утром взяла баба пряжу и пошла пасти того бычка.

Сидит на горوشке, прядёт и приговаривает:

— Пасись, пасись, бычок — смоляной бочок,
Пасись, пасись, бычок — смоляной бочок!

Пряла, пряла да и задремала.

Вдруг из тёмного лесу, из великого бору бежит медведь.

Наскочил на бычка:

— Ты кто такой?

— Я соломенный бычок — смоляной бочок!

— Дай смолы, мне собаки бок ободрали!

Бычок — смоляной бочок молчит.

Рассердился медведь, хватать бычка за смоляной бок — и завяз.

Баба проснулась и кричит деду:

— Дед, беги скорее, бычок медведя поймал!

Дед схватил медведя и кинул его в погреб.

На другой день взяла опять баба пряжу и пошла пасти бычка. Сидит на горушке, прядёт и приговаривает:

— Пасись, пасись, бычок — смоляной бочок,
Пасись, пасись, бычок — смоляной бочок!

Пряла, пряла и задремала.

Вдруг из тёмного лесу, из великого бору бежит волк. Увидел бычка:

— Кто ты такой?

— Я соломенный бычок — смоляной бочок.

— Дай смолы, мне собаки бок ободрали!

— Бери.

Схватился волк за смоляной бок и прилип.

Баба проснулась и закричала:

— Дед, дед, бычок волка поймал!

Дед прибежал, схватил волка и кинул его в погреб.

Пасёт баба бычка на третий день, прядёт.

Пряла, пряла и задремала.

Прибежала лисичка. Спрашивает бычка:

— Ты кто такой?

— Я соломенный бычок — смоляной бочок.

— Дай смолы, голубчик, собаки мне шкуру ободрали!

— Бери.

Увязла и лисица. Баба проснулась, кликнула деда.

Дед и лисичку в погреб кинул.

Вот их сколько набралось!

Сел дед на погребицу, стал нож точить, а сам говорит:
— С медведя шкуру сниму. Знатный кожух будет!

Медведь услышал, испугался:

— Не режь меня, пусти лучше на волю! Я тебе мёду принесу.

— А ты не обманеешь?

— Не обману.

— Ну, смотри! — И выпустил медведя.

А сам опять нож точит. Волк спрашивает:

— Зачем, дед, нож точишь?

— А вот шкуру с тебя сниму да на зиму тёплую шапку сошью.

— Отпусти ты меня! Я тебе овечек пригоню.

— Ну, смотри не обмани только!

И волка отпустил. Опять нож точит.

— Скажи мне, дедуся, зачем ты нож точишь? — спрашивает лисичка.

— У тебя хорошая шкурка, — отвечает дед. — Тёплый воротник моей старухе будет.

— Ой, не снимай с меня шкурки! Я тебе и кур, и уток, и гусей пригоню.

— Ну, смотри не обмани! — И лисичку выпустил.

Вот наутро, ни свет ни заря, тук-тук в дверь!

— Дед, дед, стучат! Пойди погляди.

Пошёл дед, а там медведь целый улей мёду притащил.

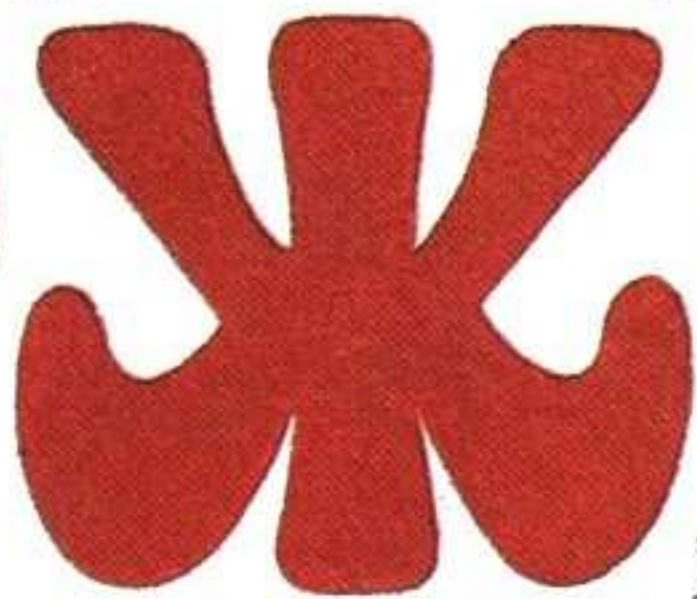
Взял дед мёд, убрал его, а в дверь опять: тук-тук!

Волк овец пригнал. А тут и лисичка кур, да гусей, да уток пригнала.

Дед рад, и баба рада. Стали они жить-поживать да добра наживать.

ПАН КОТОФЕЙ

ил-был один человек, и был у него кот — такой старый, что и мышей не мог ловить. Вот и думает хозяин: «На что мне такой кот? Возьму занесу его в лес». Взял и занёс.

Сидит наш кот под ёлкой и плачет. Бежит лисичка-сестричка.

— Ты кто такой? — спрашивает.

Кот взъерошился и отвечает:

— Фу-фу! Я пан Котофей!

Лисичка была рада познакомиться с таким важным паном. Вот она и говорит ему:

— Возьми меня замуж. Я буду тебе хорошей женой. Кормить буду.

— Ладно, — отвечает кот, — возьму.

Сговорились они и пошли жить в лисичкину хату.

Лисичка угождала ему всяко: то курицу поймает, то какого лесного зверька принесёт. Сама съест или нет, а коту несёт.

Вот как-то встречает её зайчик-побегайчик и говорит:

— Лисичка-сестричка, я приду к тебе свататься!

— Нет, не приходи! У меня теперь пан Котофей, он раздерёт тебя.

А кот вышел из норы, взъерошился, выгнулся дугой и зафукал: «Фу-фу!»

Заяц перепугался до смерти, побежал в лес и рассказал волку, медведю и дикому кабану, какого он страшного зверя видел — пана Котофея.

Решили они как-нибудь подольститься к Котофею и придумали позвать его с лисичкой на обед.

Стали они советоваться, какой бы получше обед приготовить для гостей.

Волк сказал:

— Я пойду за салом и мясом, чтобы борщ хороший был.

Кабан сказал:

— Я пойду за свёклой и картофелем.

Медведь сказал:

— Я принесу мёду на закуску.

А зайчик побежал за капустой.

Состряпали они обед, поставили всё на стол и стали спорить, кому из них идти за лисичкой и Котофеем.

Медведь говорит:

— Я толстый, задохнуся.

Кабан говорит:

— Я неповоротливый, не успею.

Волк говорит:

— Я старый, плохо слышу.

Пришлось идти зайчику.

Прибежал зайчик к лисичкиной норе и три раза постучался в оконце: стук-стук-стук!

Выскочила лисичка и видит зайчика — как он на задних лапках стоит.

— Чего тебе надобно? — спрашивает.

— Волк, медведь, кабан и я приглашаем вас, лисичка-сестричка, и пана Котофея к себе на обед.

Сказал и убежал. Прибегает, а медведь и говорит ему:

— Ты не забыл сказать, чтобы они принесли с собой ложки?

— Ох, батюшки, забыл! — отвечает зайчик — и опять побежал к лисичке.

Прибежал, постучал в окошко.

— Не забудьте ложки, — говорит, — захватить с собой!

А лисичка отвечает:

— Добро, добро, не забудем!

Собралась лисичка-сестричка, взяла пана Котофея под руку, идут. А пан Котофей опять взъерошился, фукает: «Фу-фу-фу!» А глаза так и горят, как два зелёных огня.

Волк испугался, присел за кустом, кабан забрался под стол, медведь вскарабкался кое-как на дерево, а зайчик спрягался в норку.

Кот как почуял на столе мясо, кинулся к нему, замаяукал: «Маяу-маяу-маяу!» — и давай его уплетать.

А зверям показалось, что он кричит: «Мало-мало-мало!»

«Вот, — думают, — обжора! Всё ему мало!»

Пан Котофей наелся, напился, улёгся на столе — спит.

А кабан лежал под столом и хвостом пошевеливал. Кот подумал, что этомышь, кинулся туда, увидел кабана, перепугался и вскочил на дерево, где сидел медведь.

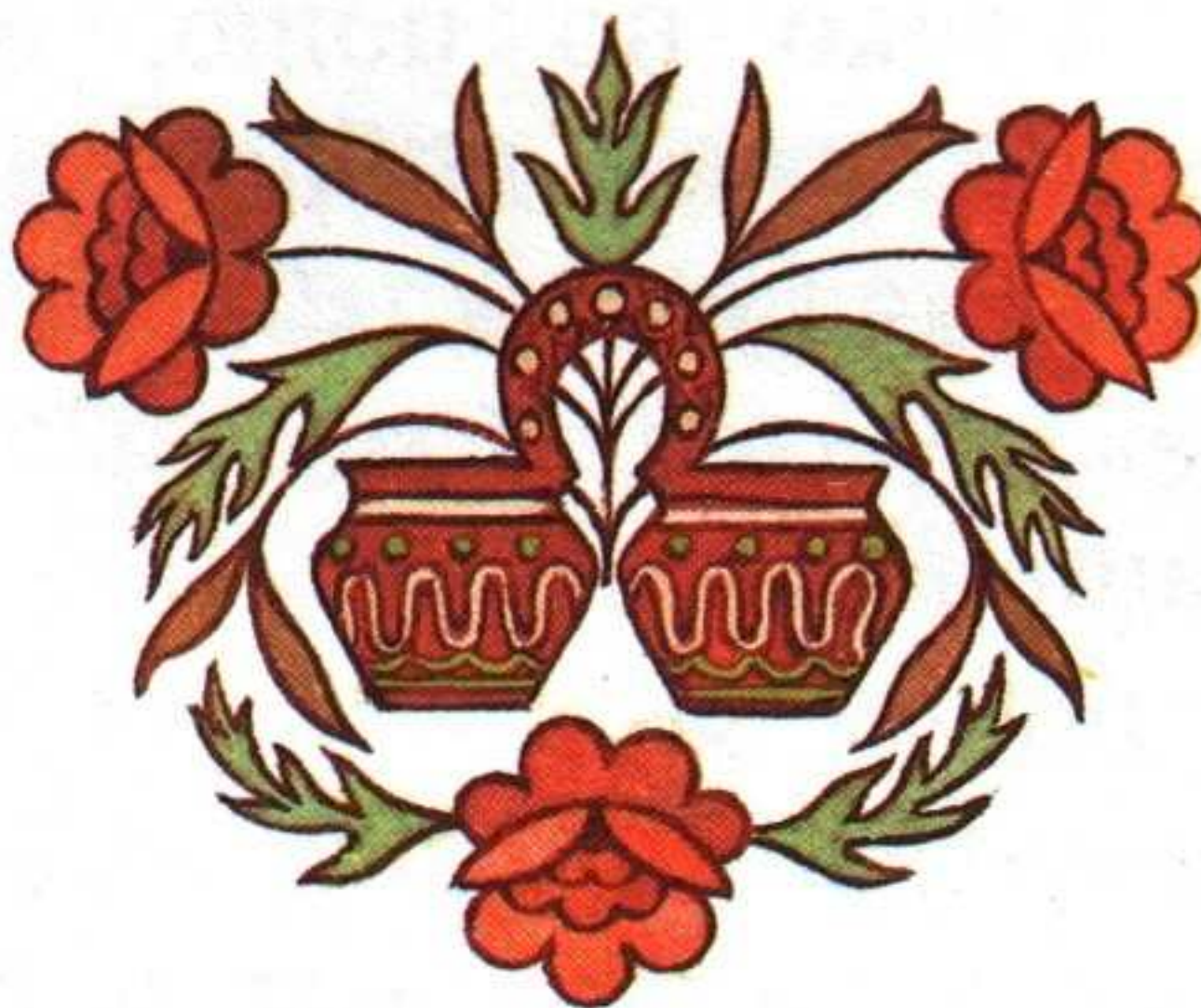
Медведь подумал, что кот в драку лезет, забрался выше; ветки под ним сломались, он и упал на землю.

Да упал-то он на тот самый куст, за которым волк сидел. Волк подумал, что пришёл ему конец,— и давай бог ноги! Бежали они с медведем так, что и зайчику за ними не угнаться.

А кот залез на стол и принялся есть сало да мёдом закусывать. Поели они с лисичкой-сестричкой всё, что было, и пошли домой.

А волк, медведь, кабан и заяц собрались и говорят: — Вот какой зверь! Такой маленький, а чуть нас всех не съел!

СЕРКО

Б

ыл у одного человека пёс Серко, старый-престарый. Взял человек да и прогнал его со двора. Бродит Серко по полю, и так ему горько! «Сколько лет хозяину служил, добро его стерёг, а теперь на старости лет он для меня кусок хлеба жалеет и со двора прогнал». Бродит он так, думает... Смотрит — волк идёт. Поравнялся с ним — спрашивает:

— Чего ты тут бродишь?

Серко ему отвечает:

— Да прогнал меня хозяин, вот и брожу.

А волк говорит:

— Сделать так, чтобы хозяин опять взял тебя к себе?

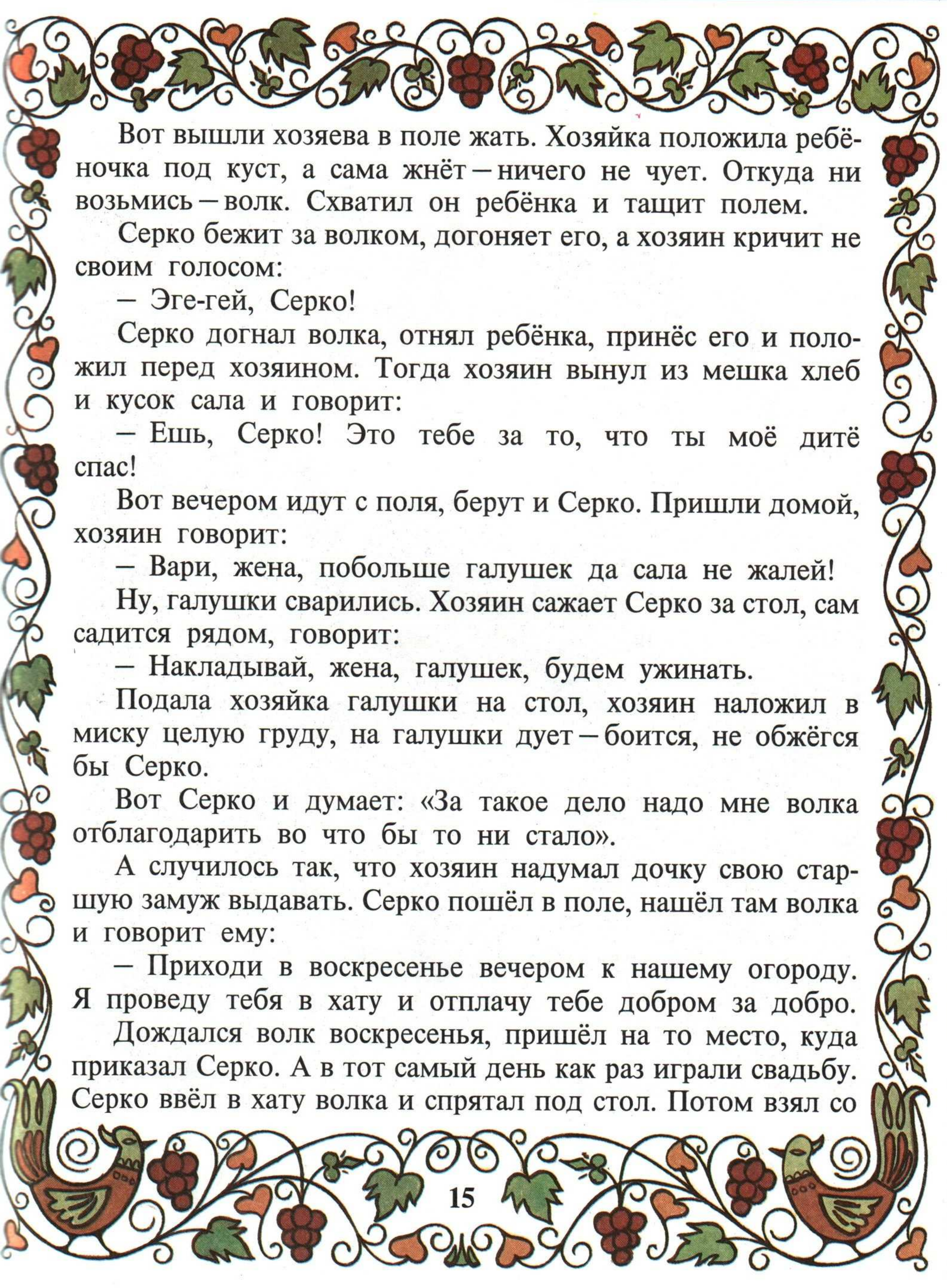
Серко обрадовался:

— Сделай, голубчик! Я уж тебя отблагодарю.

Волк говорит:

— Ну, слушай. Как только твои хозяева выйдут жать и хозяйка положит ребёночка под кустом, ты ходи близко от того места, чтобы я знал, где оно. Я схвачу ребёнка, а ты будешь отнимать его у меня. Тогда я будто бы испугаюсь и брошу ребёнка.

Вот вышли хозяева в поле жать. Хозяйка положила ребёнка под куст, а сама жнёт — ничего не чует. Откуда ни возьмись — волк. Схватил он ребёнка и тащит полем.

Серко бежит за волком, догоняет его, а хозяин кричит не своим голосом:

— Эге-гей, Серко!

Серко догнал волка, отнял ребёнка, принёс его и положил перед хозяином. Тогда хозяин вынул из мешка хлеб и кусок сала и говорит:

— Ешь, Серко! Это тебе за то, что ты моё дитё спас!

Вот вечером идут с поля, берут и Серко. Пришли домой, хозяин говорит:

— Вари, жена, побольше галушек да сала не жалея!

Ну, галушки сварились. Хозяин сажает Серко за стол, сам садится рядом, говорит:

— Накладывай, жена, галушек, будем ужинать.

Подала хозяйка галушки на стол, хозяин наложил в миску целую грудку, на галушки дует — боится, не обжётся бы Серко.

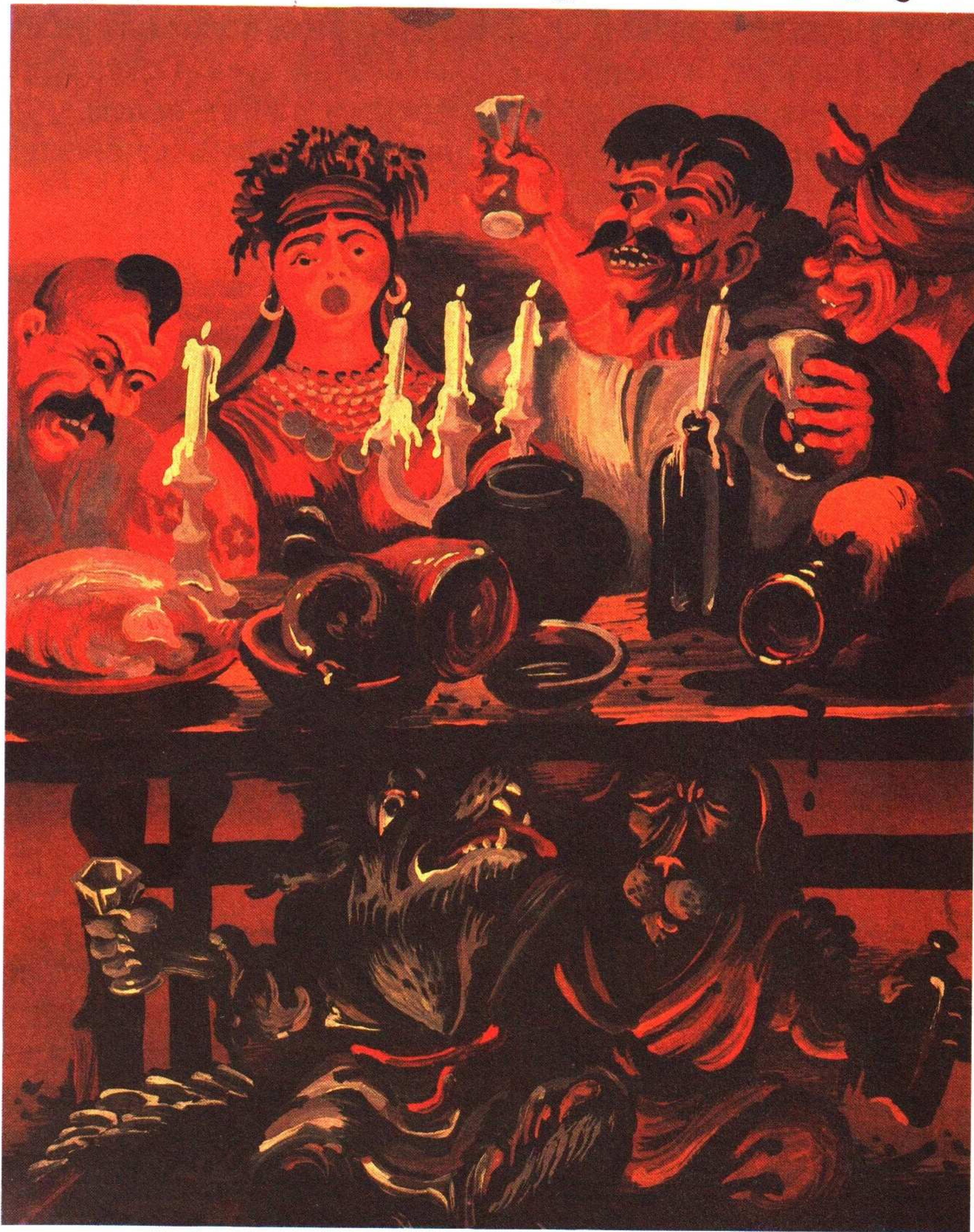
Вот Серко и думает: «За такое дело надо мне волка отблагодарить во что бы то ни стало».

А случилось так, что хозяин надумал дочку свою старшую замуж выдавать. Серко пошёл в поле, нашёл там волка и говорит ему:

— Приходи в воскресенье вечером к нашему огороду. Я проведу тебя в хату и отплачу тебе добром за добро.

Дождлся волк воскресенья, пришёл на то место, куда приказал Серко. А в тот самый день как раз играли свадьбу. Серко ввёл в хату волка и спрятал под стол. Потом взял со

стола изрядный кус мяса и притащил волку. Гости хотели пса избить, а хозяин заступился:

— Не бейте Серко! Он мне добро сделал, и я буду ему платить добром до самой его смерти.

Ну, Серко берёт со стола самые жирные куски да носит волку. Накормил и напоил волка так, что тот развеселился и говорит:

— Я петь хочу!

Серко испугался.

— Не пой,— говорит,— плохо тебе будет, лучше молчи, сделай милость!

Волк не послушался да как завыл под столом!..

Гости повскакали с мест—туда-сюда, под стол, а там волк. Иные со страху убежали, а иные хотели волка бить. А Серко лёг на волка, будто хочет его задушить.

Хозяин и говорит:

— Не бейте волка, а то и Серко убьёте! Он сам ему жару задаст—не трогайте!

Вывел Серко волка в поле и говорит:

— Ты мне добро сделал, а я тебе!

Да и попрощались.

РАЗУМНИЦА

или-были два брата: один бедный, а другой богатый. Вот богатый как-то сжался над бедным, что у того ни ложки, ни плошки, да и отдал ему дойную корову. Говорит:

— Помаленьку отработаешь мне за неё.

Ну, бедный брат отрабатывает помаленьку. А потом богачу сделалось жалко коровы, он и говорит бедному:

— Отдавай мне корову назад.

Тот взмолился:

— Братец, я ж тебе за неё отработал!

— Что ты там отработал — как кот наплакал! А корова-то гляди какая! Отдавай, отдавай!

Бедному жалко стало своей работы, не захотел корову отдать. Пошли они судиться к барину. Пришли. А барину, должно быть, лень было голову ломать — думать, кто из них прав, кто виноват. Вот он и говорит им:

— Кто отгадает мою загадку, того и корова будет.

— Говори, барин!

— Слушайте: что на свете сытее всего, быстрее всего, милее всего? Завтра придёте — скажете.

Пошли братья. Богач идёт домой и думает: «Ерунда, а не загадка! Что ж может быть сытее барской свиньи, быстрее барской борзой, милее денег? Моя корова будет!»

Бедный пришёл домой; думал, думал да и затужил. А у него была дочка Маруся. Она и спрашивает:

— Чего ты, батюшка, растужился? Что барин сказал?

— Да барин такую загадку загадал — голову сломать можно!

— А какая загадка?

— Вот какая: что на свете сытее всего, быстрее всего, милее всего?

— Э, батюшка, сытее всего мать-земля: она всех кормит, поит, да и всех поедает; быстрее всего думка — с думкою куда хочешь прилетишь; а милее всего сон — как бы хорошо ни было человеку, он всё бросает, чтоб заснуть.

— Неужто? — говорит отец. — А ведь правда твоя! Так я и скажу барину.

На другой день приходят оба брата к барину. Вот барин их и спрашивает:

— Ну что, отгадали?

— Отгадали, барин, — говорят.

Вот богатый выступил вперёд, чтобы поскорее ответить, да и говорит:

— Сытее всего, барин, ваши свиньи, а быстрее всего ваши борзые, а милее всего — денежки.

— Э-э-э, врёшь! — говорит барин. — Ну, а ты?

— Да что ж, барин, нет ничего сытее матушки-земли: она всех кормит, поит, да и всех же поедает.

— Правда, правда! — говорит барин. — Ну, а быстрее всего?

— Быстрее всего мысль-думка — с нею куда хочешь пере-
летишь.

— Так! Ну, а милее всего что? — спрашивает барин.

— А милее всего сон. Как бы хорошо ни было человеку,
он всё покидает, чтоб заснуть.

— Всё так! — говорит барин. — Твоя корова. Только скажи
ты мне: сам ли ты отгадал загадки или тебе кто помог?

— Да что ж, барин, — говорит бедняк, — есть у меня дочка
Маруся. Это она меня научила.

Барин рассердился:

— Как так! Я такой умный, а она простая девка — и мои
загадки отгадала! погоди же! Вот тебе десяток варёных яиц,
отдай их своей дочери. Пусть она посадит на них наседку,
чтоб наседка за одну ночь вывела цыплят, выкормила их и
чтоб твоя дочка зарезала трёх, зажарила на завтрак, а ты,
пока я встану, чтоб принёс. Я ждать буду. А не сделает —
будет худо.

Идёт бедняк домой, плачет. Приходит, а дочка спраши-
вает его:

— О чём, батюшка, плачешь?

— Как же мне, дочка, не плакать! Дал тебе барин десяток
варёных яиц да наказал, чтоб ты посадила на них наседку,
чтоб наседка за одну ночь вывела и выкормила цыплят, а ты
чтоб зажарила трёх ему на завтрак.

А дочка взяла горшочек каши и говорит:

— Отнеси, батюшка, эту кашу барину да скажи ему: пус-
кай он вспашет землю, посеет эту кашу, и чтоб она выросла
просом, поспела, и чтоб он просо скосил, смолотил и нато-
лок пшена — кормить тех цыплят, которым надобно вылу-
питься из этих яиц.

Приносит бедняк к барину эту кашу, отдаёт её и говорит: так, мол, и так дочка наказала.

Барин смотрел, смотрел на эту кашу да и выбросил её собакам. Потом нашёл где-то стебелёчек льна, отдал его бедняку и говорит:

— Отнеси дочери этот лён. Пускай она его вымочит, высушит, помнёт, попрядёт и соткёт сто локтей полотна. А не сделает — будет худо.

Идёт бедняк домой, опять плачет. Встречает его дочка, спрашивает:

— О чём, батюшка, плачешь?

— Гляди-ка, чего: пан дал тебе стебелёчек льна, да чтоб ты его намочила, высушила, помяла, напряла и выткала сто локтей полотна.

Маруся взяла нож, пошла и срезала тоненькую веточку с дерева, дала отцу и говорит:

— Неси, батюшка, к барину. Пускай он из этого дерева сделает мне гребень, гребёнку и днище, чтобы было на чём прясть этот лён.

Приносит бедняк барину эту веточку и говорит, что дочка велела из неё сделать. Барин глядел, глядел, взял да бросил веточку, а сам думает: «Эту обдуришь! Видать, она не из таких!» Потом думал, думал и говорит бедняку:

— Пойди скажи своей дочери: пускай она придёт ко мне в гости, да так, чтоб ни шла ни ехала, ни босая ни разутая, ни с гостинцем ни без гостинца. А если она этого не делает — будет худо.

Идёт отец, плачет. Пришёл да и говорит дочери:

— Ну что, дочка, будем делать? Приказал барин так и так... — и рассказал ей всё.

Маруся говорит:

— Не тужи, батюшка, всё ладно будет. Пойди купи мне живого зайца.

Пошёл отец, купил живого зайца. А Марусенька одну ногу обула в рваный башмак, другую оставила босой. Потом поймала воробья, взяла сани, запрягла в них козла. Зайца спрятала под мышку, воробья взяла в руку, одну ногу поставила в сани, а другою ступает по дороге — одну ногу козёл везёт, а другою идёт. Приходит этак к барину во двор, а он как увидел, что она так идёт, кричит слугам:

— Травите её собаками!

Те стали травить её собаками. А она и выпустила зайца. Собаки погнались за зайцем, а её бросили. Она тогда пришла к барину в хоромы, поклонилась и говорит:

— Вот вам, барин, гостинец, — да и подаёт ему воробья.

Барин только хотел его взять, а она выпустила воробышка, он — порх! — и улетел в открытое окно.

На ту пору пришли мужики к барину судиться. Барин и спрашивает:

— Чего вам, люди добрые?

Один говорит:

— Да вот что, барин: ночевали мы вдвоём в поле, а утром встали, глядь — моя кобыла жеребёнка привела.

А другой человек говорит:

— Враки это: моя привела! Рассуди нас, барин.

Вот барин думал, думал и говорит:

— Пригоните сюда жеребёнка и лошадей — к которой жеребёнок побежит, та и привела.

Пригнали запряжённых кобыл и пустили жеребёнка. А те два хозяина так затаскали этого жеребёнка каждый

в свою сторону, что он уж и не знал, куда ему бежать,— взял да и побежал не знамо куда. Ну, все растерялись: что тут делать, как рассудить? А Марусенька говорит:

— Вы жеребёнка-то привяжите, а матерей распрягите да и пустите — которая побежит к жеребёнку, та и привела.

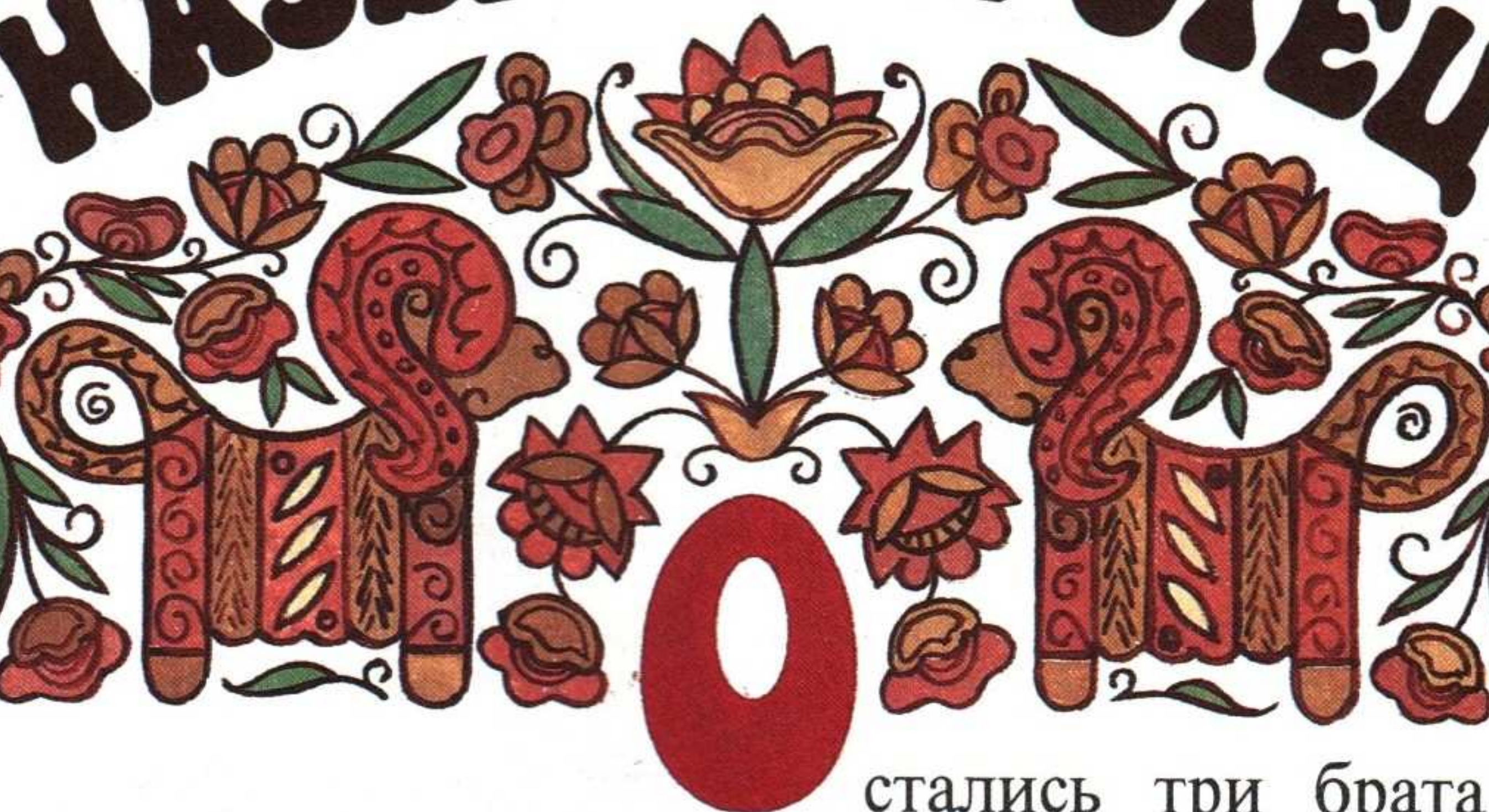
Так и сделали: распрягли лошадей, жеребёнка привязали; одна и побежала к нему, а другая стоит.

Ну, тут барин видит, что Марусенька такая разумная — никак её не перехитришь,— и отпустил её с миром.

НАЗВАННЫЙ ОТЕЦ

стались три брата сиротами — ни отца, ни матери. И дома — ни кола ни двора. Вот и пошли они по сёлам, по хуторам в работники наниматься. Идут и думают: «Эх, кабы наняться к доброму хозяину!» Глядь, старичок идёт, старый-старый, борода белая до пояса. Поравнялся старик с братьями, спрашивает:

— Куда, детки, путь держите?

А они отвечают:

— Наниматься идём.

— Разве у вас своего хозяйства нету?

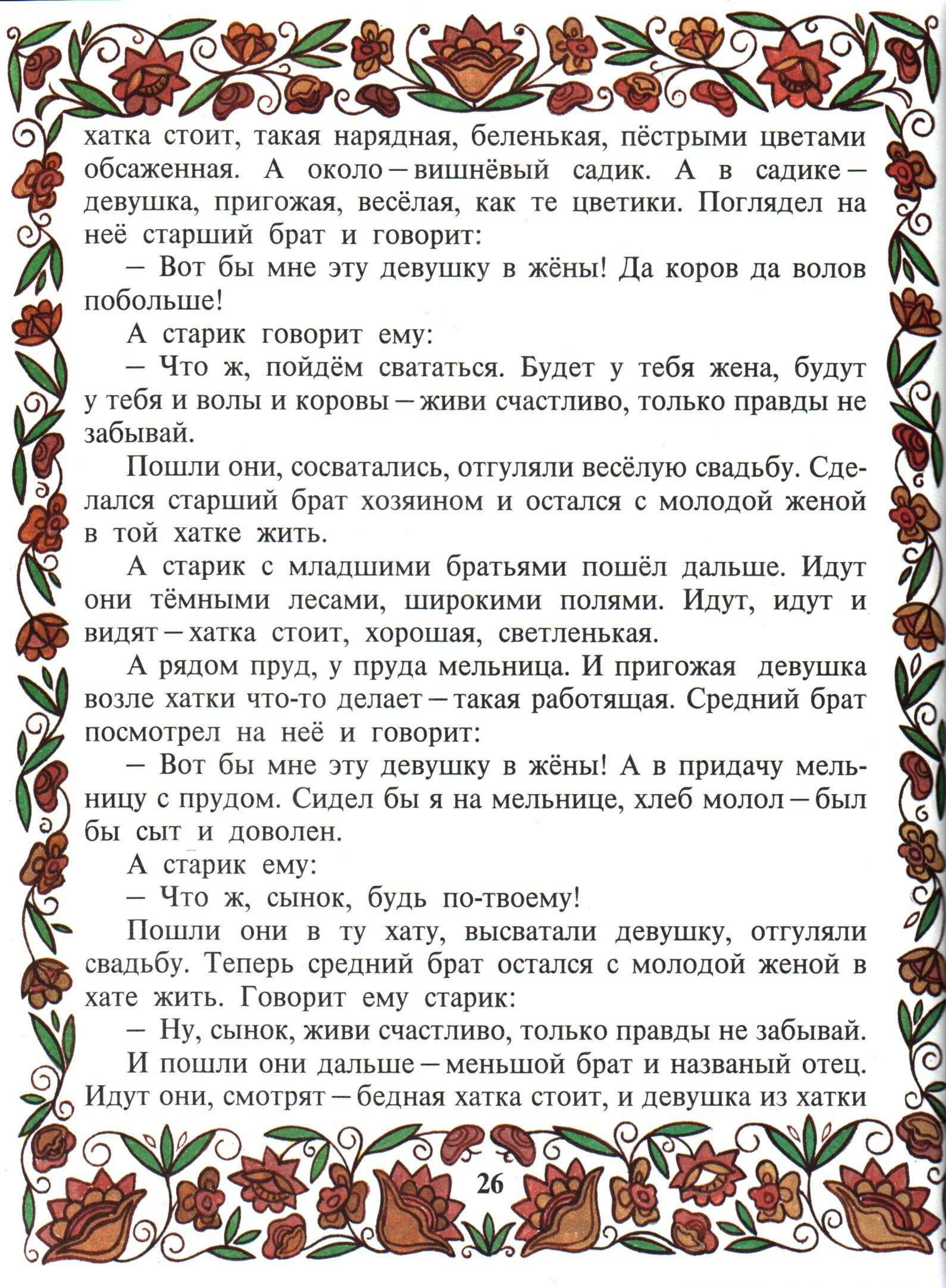
— Нету,— отвечают.— Кабы нам добрый хозяин попался, мы бы честно у него работали, слушались и как родного отца почитали.

Подумал старик и говорит:

— Ну что ж, будьте вы мне сынами, а я вам — отцом. Я из вас людей сделаю — научу жить по чести, по совести, только слушайтесь меня.

Согласились братья и пошли за тем стариком. Идут тёмными лесами, широкими полями. Идут, идут и видят —

хатка стоит, такая нарядная, беленькая, пёстрыми цветами обсаженная. А около — вишнёвый садик. А в садике — девушка, пригожая, весёлая, как те цветики. Поглядел на неё старший брат и говорит:

— Вот бы мне эту девушку в жёны! Да коров да волов побольше!

А старик говорит ему:

— Что ж, пойдём свататься. Будет у тебя жена, будут у тебя и волы и коровы — живи счастливо, только правды не забывай.

Пошли они, сосватались, отгуляли весёлую свадьбу. Сделался старший брат хозяином и остался с молодой женой в той хатке жить.

А старик с младшими братьями пошёл дальше. Идут они тёмными лесами, широкими полями. Идут, идут и видят — хатка стоит, хорошая, светленькая.

А рядом пруд, у пруда мельница. И пригожая девушка возле хатки что-то делает — такая работающая. Средний брат посмотрел на неё и говорит:

— Вот бы мне эту девушку в жёны! А в придачу мельницу с прудом. Сидел бы я на мельнице, хлеб молот — был бы сыт и доволен.

А старик ему:

— Что ж, сынок, будь по-твоему!

Пошли они в ту хату, высватали девушку, отгуляли свадьбу. Теперь средний брат остался с молодой женой в хате жить. Говорит ему старик:

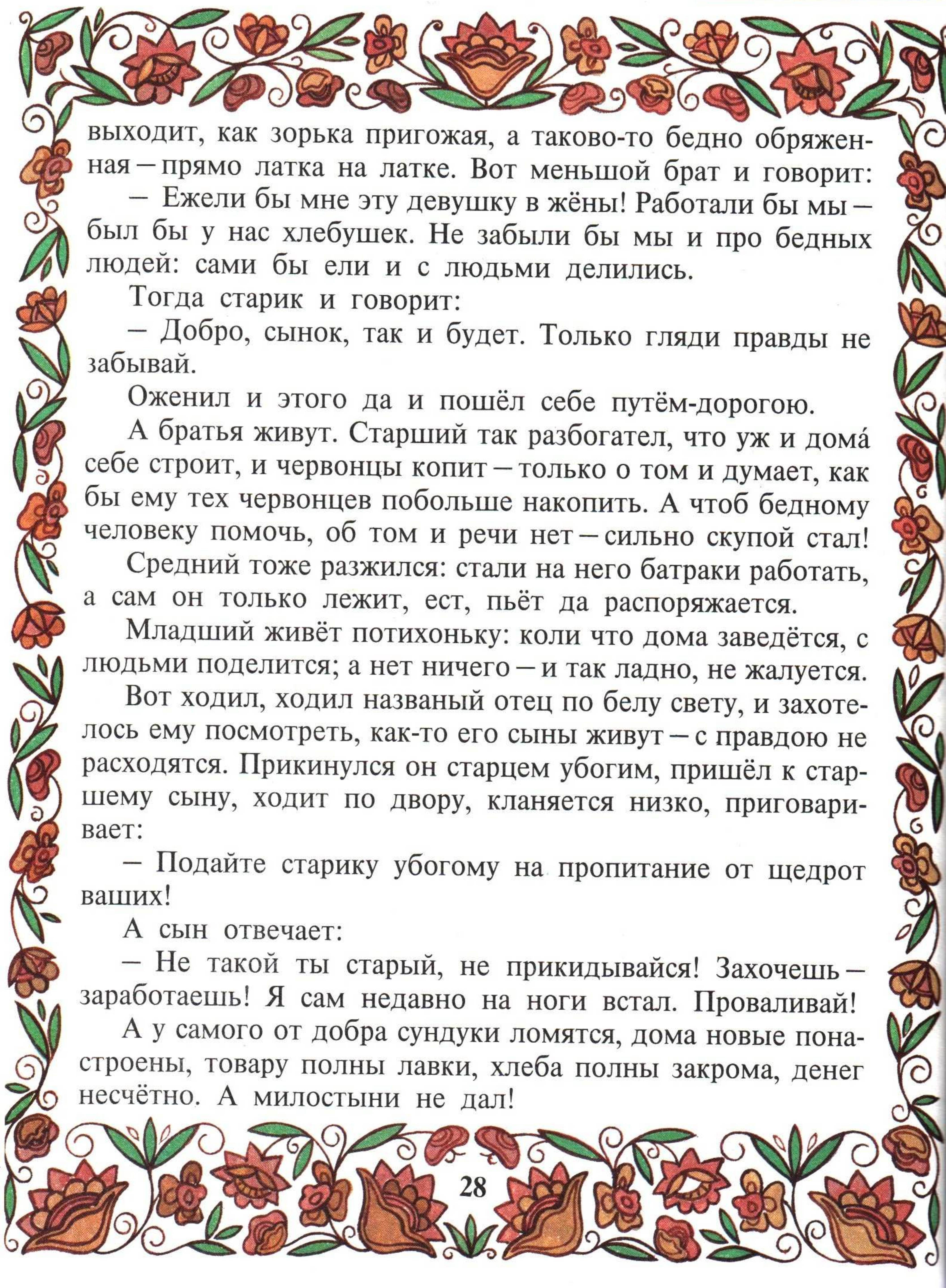
— Ну, сынок, живи счастливо, только правды не забывай.

И пошли они дальше — меньшой брат и названный отец. Идут они, смотрят — бедная хатка стоит, и девушка из хатки

выходит, как зорька пригожая, а таково-то бедно обряженная — прямо латка на латке. Вот меньшой брат и говорит:

— Ежели бы мне эту девушку в жёны! Работали бы мы — был бы у нас хлебушек. Не забыли бы мы и про бедных людей: сами бы ели и с людьми делились.

Тогда старик и говорит:

— Добро, сынок, так и будет. Только гляди правды не забывай.

Оженил и этого да и пошёл себе путём-дорогою.

А братья живут. Старший так разбогател, что уж и дома себе строит, и червонцы копит — только о том и думает, как бы ему тех червонцев побольше накопить. А чтоб бедному человеку помочь, об том и речи нет — сильно скупой стал!

Средний тоже разжился: стали на него батраки работать, а сам он только лежит, ест, пьёт да распоряжается.

Младший живёт потихоньку: коли что дома заведётся, с людьми поделится; а нет ничего — и так ладно, не жалуется.

Вот ходил, ходил названный отец по белу свету, и захотелось ему посмотреть, как-то его сыны живут — с правдою не расходятся. Прикинулся он старцем убогим, пришёл к старшему сыну, ходит по двору, кланяется низко, приговаривает:

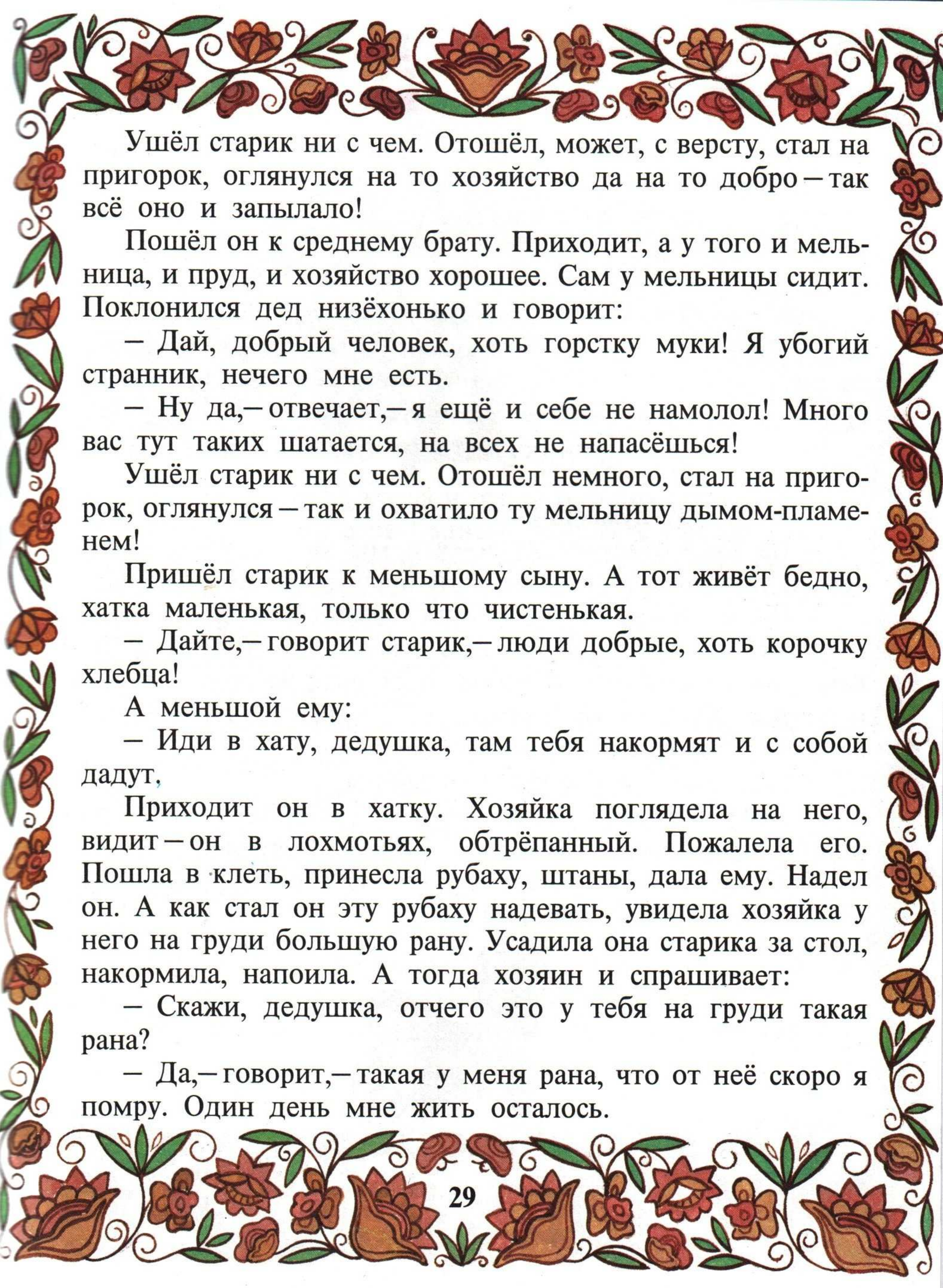
— Подайте старику убогому на пропитание от щедрот ваших!

А сын отвечает:

— Не такой ты старый, не прикидывайся! Захочешь — заработаешь! Я сам недавно на ноги встал. Проваливай!

А у самого от добра сундуки ломаются, дома новые понастроены, товару полны лавки, хлеба полны закрома, денег несчётно. А милостыни не дал!

Ушёл старик ни с чем. Отошёл, может, с версту, стал на пригорок, оглянулся на то хозяйство да на то добро — так всё оно и запылало!

Пошёл он к среднему брату. Приходит, а у того и мельница, и пруд, и хозяйство хорошее. Сам у мельницы сидит. Поклонился дед низёхонько и говорит:

— Дай, добрый человек, хоть горстку муки! Я убогий странник, нечего мне есть.

— Ну да,— отвечает,— я ещё и себе не намолол! Много вас тут таких шатается, на всех не напасёшься!

Ушёл старик ни с чем. Отошёл немного, стал на пригорок, оглянулся — так и охватило ту мельницу дымом-пламенем!

Пришёл старик к меньшому сыну. А тот живёт бедно, хатка маленькая, только что чистенькая.

— Дайте,— говорит старик,— люди добрые, хоть корочку хлебца!

А меньшей ему:

— Иди в хату, дедушка, там тебя накормят и с собой дадут,

Приходит он в хатку. Хозяйка поглядела на него, видит — он в лохмотьях, обтрёпанный. Пожалела его. Пошла в клеть, принесла рубаху, штаны, дала ему. Надел он. А как стал он эту рубаху надевать, увидела хозяйка у него на груди большую рану. Усадила она старика за стол, накормила, напоила. А тогда хозяин и спрашивает:

— Скажи, дедушка, отчего это у тебя на груди такая рана?

— Да,— говорит,— такая у меня рана, что от неё скоро я помру. Один день мне жить осталось.

— Экая беда! — говорит жена. — И нету от этой раны никаких лекарств?

— Есть, — говорит, — одно, да только его никто не даст, хоть каждый может.

Тогда муж говорит:

— А почему же не дать? Скажи, какое лекарство?

— Трудное! Если хозяин возьмёт да подожжёт свою хату со всем добром, а пеплом с того пожараща засыплет мою рану, то рана закроется и заживёт.

Задумался младший брат. Долго думал, а потом и говорит жене:

— А ты как думаешь?

— Да так, — отвечает жена, — что мы хату другую наживём, а добрый человек умрёт и вдругорядь не родится.

— Ну, коли так, — говорит муж, — выноси детей из хаты.

Вынесли они детей, вышли сами. Глянул человек на хату — жалко ему своего добра. А старика жалчее. Взял да и поджёг. Хата жарко занялась и... пропала. А на её месте встала другая — белая, высокая, нарядная.

А дед стоит, в бороду ухмыляется.

— Вижу, — говорит, — сынок, что из вас троих только ты один с правдою не разминулся. Живи счастливо!

Тут узнал меньшой сын своего названного отца, кинулся к нему, а его и след простыл.

ОХ

Д

авным-давно, в прежние времена, может быть, когда и отцов и дедов наших ещё на свете не было, жил себе бедный человек с женою. Был у них один сынок, да такой лядащий¹, что никому не приведись! Делать ничего не делает, всё на печи сидит. Даст мать ему на печку поесть — поест, а не даст — так и голодный просидит, а уж пальцем не пошевелит.

Отец с матерью горюют:

— Что нам с тобой, сынок, делать, горе ты наше! Все-то дети своим отцам помогают, а ты только хлеб переводишь!

Горевали, горевали, старуха и говорит:

— Что ты, старый, думаешь? Сынок уж до возрасту дошёл, а делать ничего не умеет. Ты бы его отдал куда в ученье либо на работу — может, чужие люди чему-нибудь и научат.

Отдал отец его в батраки. Он там три дня пробыл да и утёк. Залез на печь и опять посиживает.

Побил его отец и отдал портному в ученье. Так он

¹ Ляда́щий — хилый, тощий.

и оттуда убежал. Его и кузнецу отдавали, и сапожнику — толку мало: опять прибежит, да и на печь! Что делать?

— Ну,—говорит старик,—поведу тебя, такого-сякого, в иное царство, оттуда уж не убежишь!

Идут они себе, долго ли, коротко ли, зашли в тёмный, дремучий лес. Притомились, видят — обгорелый пенёк. Старик присел на пенёк и говорит:

— Ох, как я притомился!

Только сказал, вдруг, откуда ни возмись, маленький старичок, сам весь сморщенный, а борода зелёная по колено.

— Чего тебе, человече, надо от меня?

Старик удивился: откуда такое чудо взялось? И говорит:

— Да неужто я тебя кликал?

— Как не кликал? Сел на пенёк, да и говоришь: «Ох!»

— Да, я притомился и сказал: «Ох!» А ты кто такой?

— Я лесной царь Ох. Ты куда идёшь?

— Иду сына на работу или в ученье отдавать. Может, добрые люди научат его уму-разуму. А дома, куда ни наймут, убежит и всё на печке сидит.

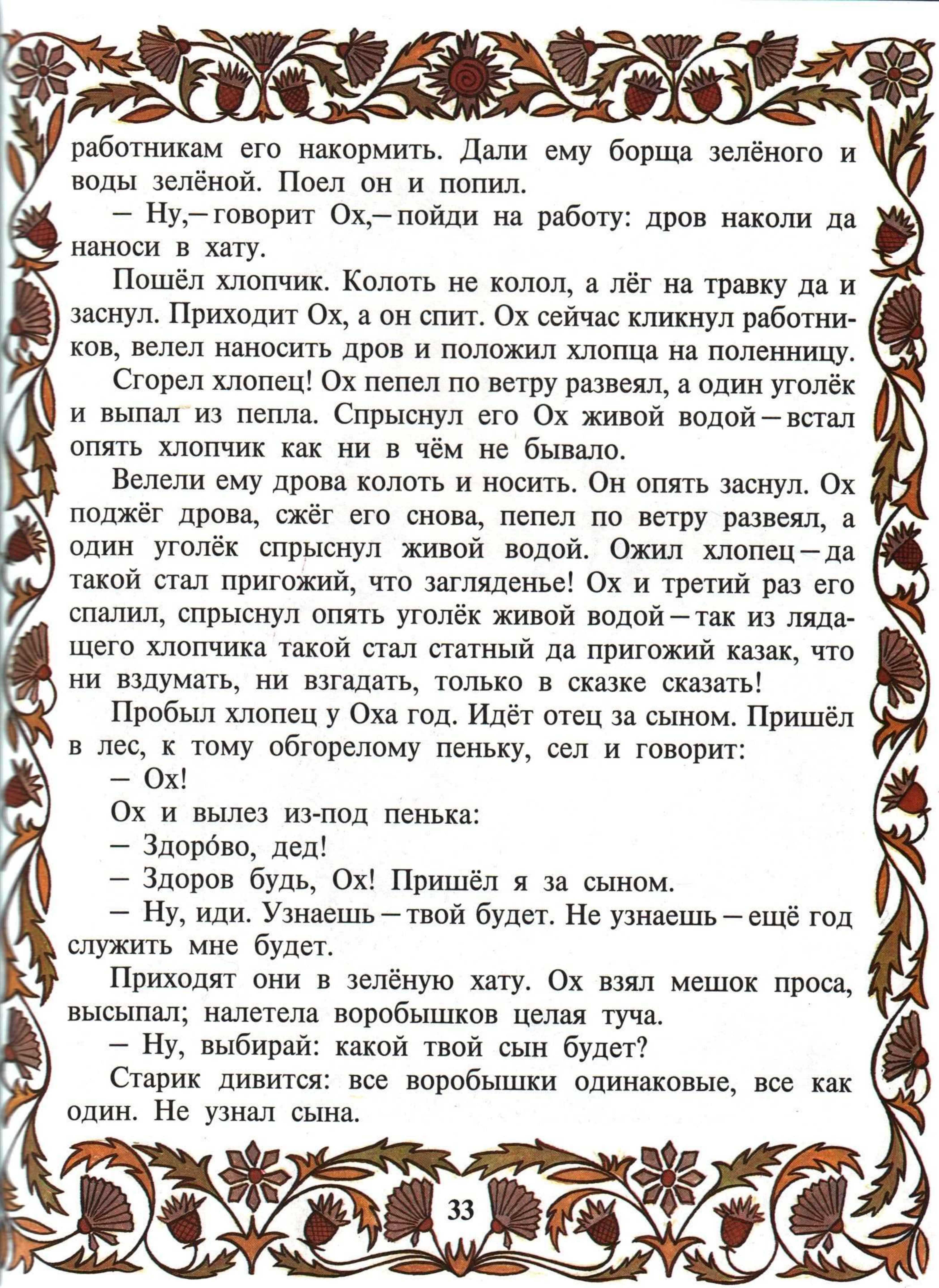
— Давай я его найму и научу разуму. Только уговор сделаем: через год придёшь за сыном, узнаешь его — бери домой, не узнаешь — ещё на год служить мне оставишь.

— Хорошо,—говорит старик.

Ударили по рукам. Старик домой пошёл, а сына Оху оставил.

Повёл Ох хлопца к себе, прямо под землю, привёл к зелёной хатке. А в той хатке всё зелёное: и стены зелёные, и лавки зелёные, и Охова жинка зелёная, и дети все зелёные, и работники тоже зелёные. Усадил Ох хлопца и велит

работникам его накормить. Дали ему борща зелёного и воды зелёной. Поел он и попил.

— Ну,— говорит Ох,— пойди на работу: дров наколи да наноси в хату.

Пошёл хлопчик. Колоть не колол, а лёг на травку да и заснул. Приходит Ох, а он спит. Ох сейчас кликнул работников, велел наносить дров и положил хлопца на поленницу.

Сгорел хлопец! Ох пепел по ветру развеял, а один уголёк и выпал из пепла. Спрыснул его Ох живой водой — встал опять хлопчик как ни в чём не бывало.

Велели ему дрова колоть и носить. Он опять заснул. Ох поджёг дрова, сжёг его снова, пепел по ветру развеял, а один уголёк sprыснул живой водой. Ожил хлопец — да такой стал пригожий, что загляденье! Ох и третий раз его спалил, sprыснул опять уголёк живой водой — так из лядящего хлопчика такой стал статный да пригожий казак, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать!

Пробыл хлопец у Оха год. Идёт отец за сыном. Пришёл в лес, к тому обгорелому пеньку, сел и говорит:

— Ох!

Ох и вылез из-под пенька:

— Здорóво, дед!

— Здоров будь, Ох! Пришёл я за сыном.

— Ну, иди. Узнаешь — твой будет. Не узнаешь — ещё год служить мне будет.

Приходят они в зелёную хату. Ох взял мешок проса, высыпал; налетела воробышков целая туча.

— Ну, выбирай: какой твой сын будет?

Старик дивится: все воробышки одинаковые, все как один. Не узнал сына.

— Так иди домой,— говорит Ох.— Ещё на год оставлю твоего сына.

Прошёл и другой год. Идёт опять старик к Оху. Пришёл, сел на пенёк:

— Ох!

Ох вылез.

— Ну, иди выбирай своего сына.

Завёл его в хлев, а там бараны, все как один.

Старик глядел, глядел — не мог узнать сына.

— Иди себе,— говорит Ох.— Ещё год твой сын проживёт у меня.

Загоревал старик, да уговор таков, ничего не поделаешь.

Прошёл и третий год. Пошёл опять старик сына выручать. Идёт себе по лесу, слышит — жужжит около него муха.

Отгонит её старик, а она опять жужжит.

Села она ему на ухо, и вдруг слышит старик:

— Отец, это я, твой сын! Научил меня Ох уму-разуму, теперь я его перехитрю. Велит он тебе опять выбирать меня и выпустит много голубей. Ты никакого голубя не бери, бери только того, что под грушей сидеть будет, а зёрен клевать не будет.

Обрадовался старик, хотел с сыном ещё поговорить, а муха уж улетела.

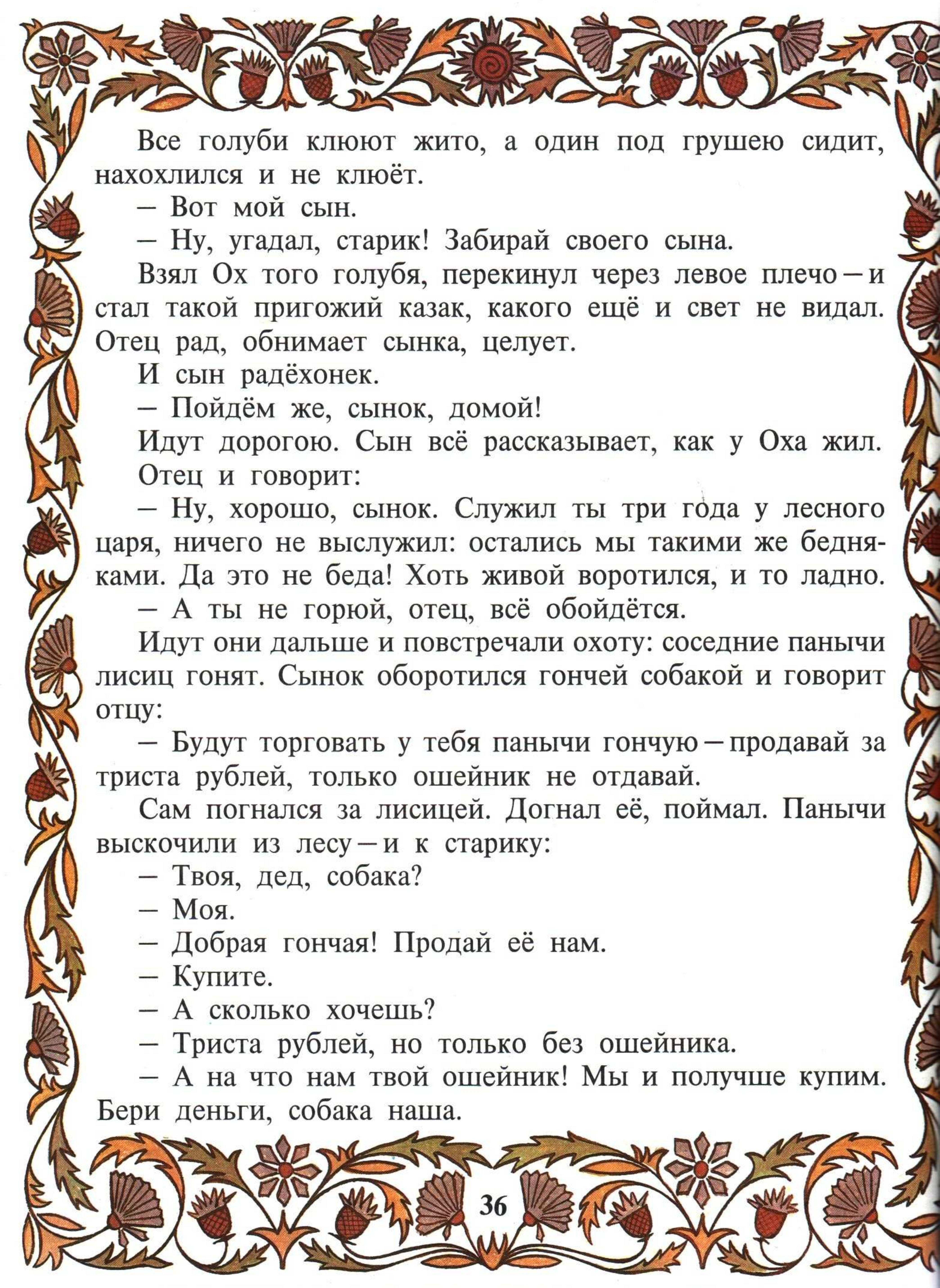
Приходит старик к обгорелому пеньку:

— Ох!

Вылез Ох и повёл его в своё лесное подземное царство. Привёл к зелёной хатке, высыпал мерку жита и стал кликать голубей. Налетела их такая сила, что господи боже мой! И все как один.

— Ну, выбирай своего сына, дед!

Все голуби клюют жито, а один под грушею сидит, нахохлился и не клюёт.

— Вот мой сын.

— Ну, угадал, старик! Забирай своего сына.

Взял Ох того голубя, перекинул через левое плечо — и стал такой пригожий казак, какого ещё и свет не видал. Отец рад, обнимает сынка, целует.

И сын радёхонек.

— Пойдём же, сынок, домой!

Идут дорогою. Сын всё рассказывает, как у Оха жил.

Отец и говорит:

— Ну, хорошо, сынок. Служил ты три года у лесного царя, ничего не выслужил: остались мы такими же бедняками. Да это не беда! Хоть живой воротился, и то ладно.

— А ты не горюй, отец, всё обойдётся.

Идут они дальше и повстречали охоту: соседние паньчи лисиц гонят. Сынок оборотился гончей собакой и говорит отцу:

— Будут торговать у тебя паньчи гончую — продавай за триста рублей, только ошейник не отдавай.

Сам погнался за лисицей. Догнал её, поймал. Паньчи выскочили из лесу — и к старику:

— Твоя, дед, собака?

— Моя.

— Добрая гончая! Продай её нам.

— Купите.

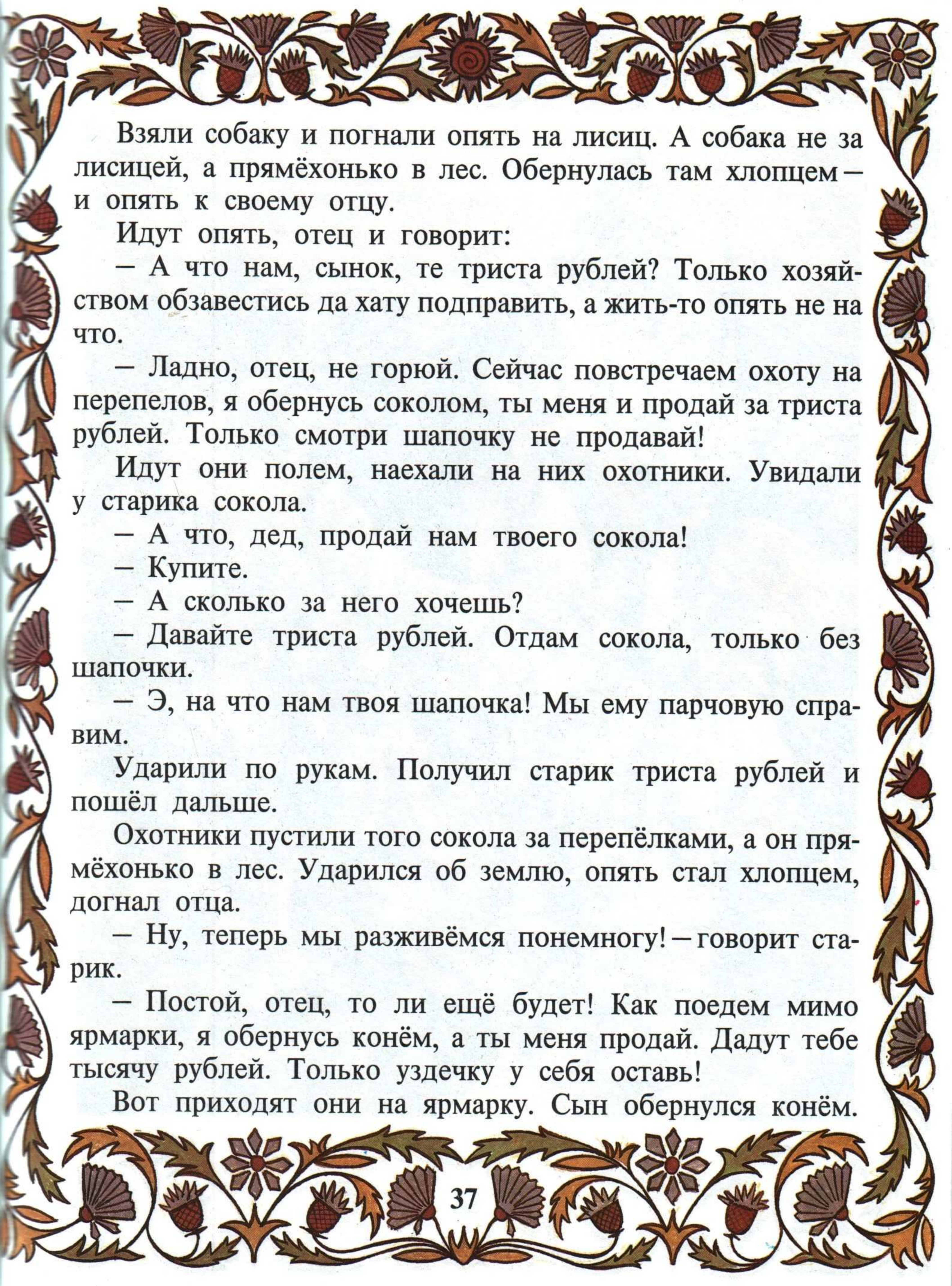
— А сколько хочешь?

— Триста рублей, но только без ошейника.

— А на что нам твой ошейник! Мы и получше купим.

Бери деньги, собака наша.

Взяли собаку и погнали опять на лисиц. А собака не за лисицей, а прямёхонько в лес. Обернулась там хлопцем — и опять к своему отцу.

Идут опять, отец и говорит:

— А что нам, сынок, те триста рублей? Только хозяйством обзавестись да хату подправить, а жить-то опять не на что.

— Ладно, отец, не горюй. Сейчас повстречаем охоту на перепелов, я обернусь соколом, ты меня и продай за триста рублей. Только смотри шапочку не продавай!

Идут они полем, наехали на них охотники. Увидали у старика сокола.

— А что, дед, продай нам твоего сокола!

— Купите.

— А сколько за него хочешь?

— Давайте триста рублей. Отдам сокола, только без шапочки.

— Э, на что нам твоя шапочка! Мы ему парчовую справим.

Ударили по рукам. Получил старик триста рублей и пошёл дальше.

Охотники пустили того сокола за перепёлками, а он прямёхонько в лес. Ударился об землю, опять стал хлопцем, догнал отца.

— Ну, теперь мы разживёмся понемногу! — говорит старик.

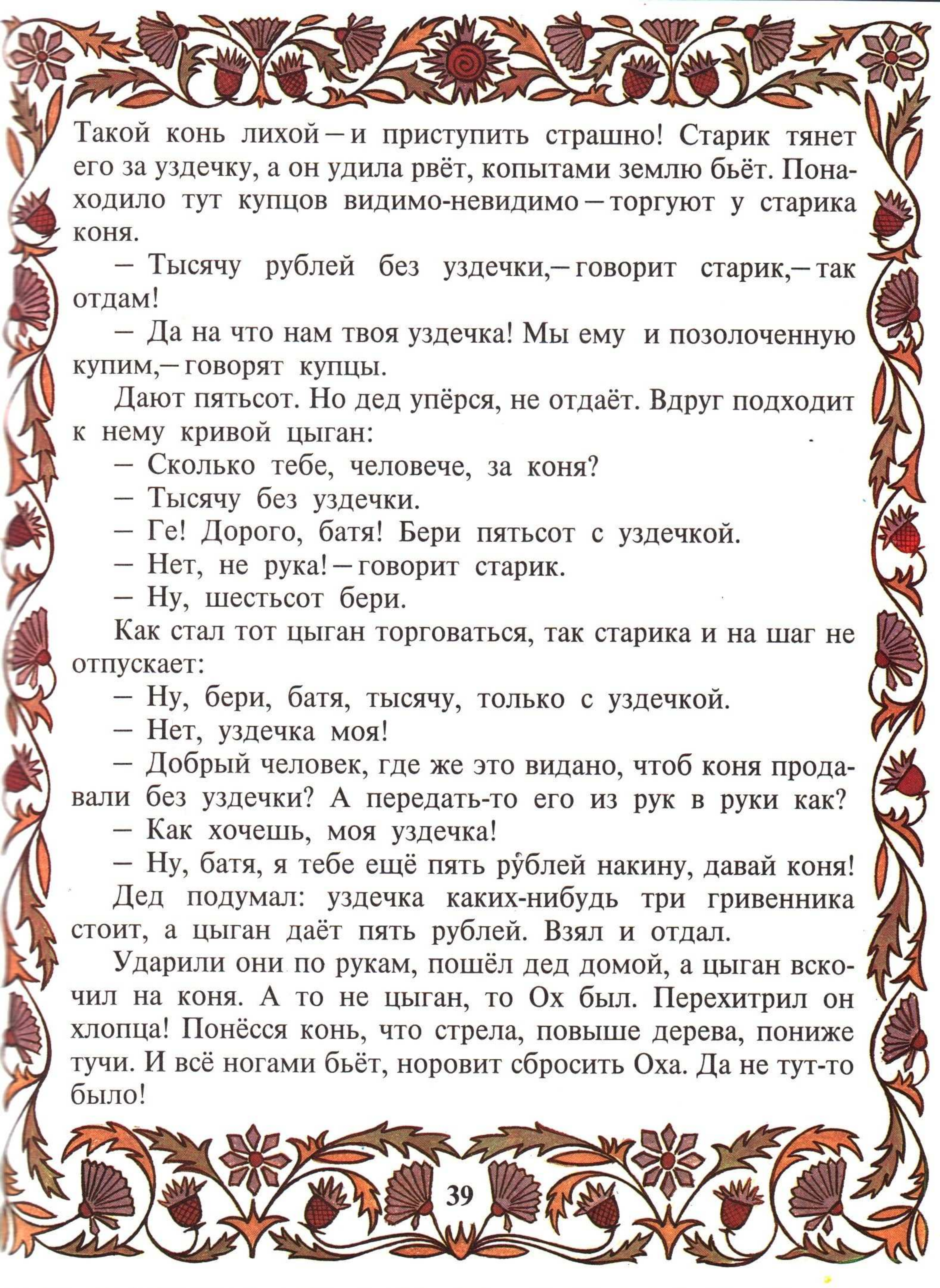
— Пстой, отец, то ли ещё будет! Как поедem мимо ярмарки, я обернусь конём, а ты меня продай. Дадут тебе тысячу рублей. Только уздечку у себя оставь!

Вот приходят они на ярмарку. Сын обернулся конём.

Такой конь лихой — и приступить страшно! Старик тянет его за уздечку, а он удила рвёт, копытами землю бьёт. Понаходило тут купцов видимо-невидимо — торгуют у старика коня.

— Тысячу рублей без уздечки, — говорит старик, — так отдам!

— Да на что нам твоя уздечка! Мы ему и позолоченную купим, — говорят купцы.

Дают пятьсот. Но дед упёрся, не отдаёт. Вдруг подходит к нему кривой цыган:

— Сколько тебе, человече, за коня?

— Тысячу без уздечки.

— Ге! Дорого, батя! Бери пятьсот с уздечкой.

— Нет, не рука! — говорит старик.

— Ну, шестьсот бери.

Как стал тот цыган торговаться, так старика и на шаг не отпускает:

— Ну, бери, батя, тысячу, только с уздечкой.

— Нет, уздечка моя!

— Добрый человек, где же это видано, чтоб коня продавали без уздечки? А передать-то его из рук в руки как?

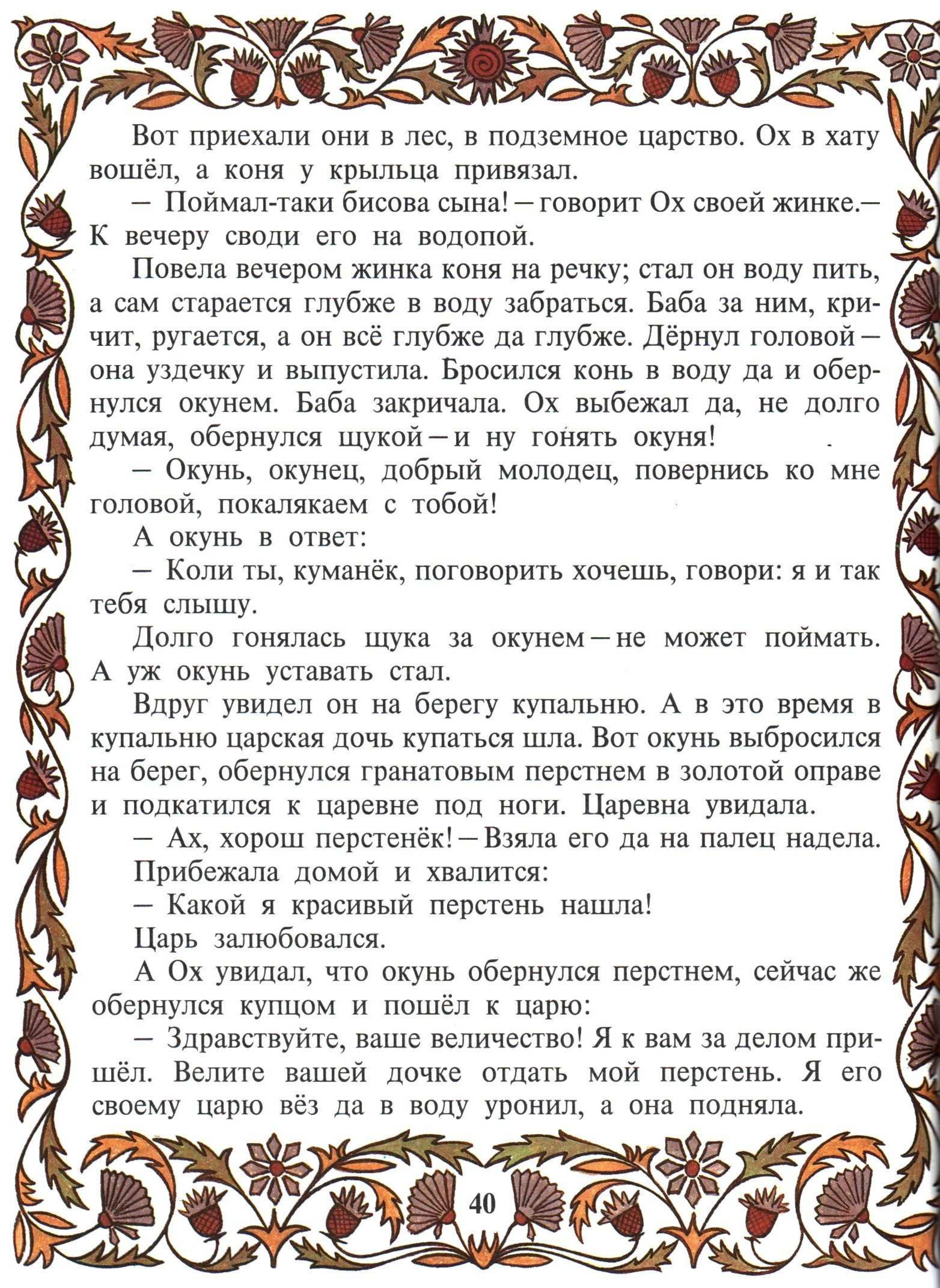
— Как хочешь, моя уздечка!

— Ну, батя, я тебе ещё пять рублей накину, давай коня!

Дед подумал: уздечка каких-нибудь три гривенника стоит, а цыган даёт пять рублей. Взял и отдал.

Ударили они по рукам, пошёл дед домой, а цыган вскочил на коня. А то не цыган, то Ох был. Перехитрил он хлопца! Понёсся конь, что стрела, повыше дерева, пониже тучи. И всё ногами бьёт, норовит сбросить Оха. Да не тут-то было!

Вот приехали они в лес, в подземное царство. Ох в хату вошёл, а коня у крыльца привязал.

— Поймал-таки бисова сына! — говорит Ох своей жинке. — К вечеру своди его на водопой.

Повела вечером жинка коня на речку; стал он воду пить, а сам старается глубже в воду забраться. Баба за ним, кричит, ругается, а он всё глубже да глубже. Дёрнул головой — она уздечку и выпустила. Бросился конь в воду да и обернулся окунем. Баба закричала. Ох выбежал да, не долго думая, обернулся щукой — и ну гонять окуня!

— Окунь, окунец, добрый молодец, повернись ко мне головой, покалякаем с тобой!

А окунь в ответ:

— Коли ты, куманёк, поговорить хочешь, говори: я и так тебя слышу.

Долго гонялась щука за окунем — не может поймать. А уж окунь уставать стал.

Вдруг увидел он на берегу купальню. А в это время в купальню царская дочь купаться шла. Вот окунь выбросился на берег, обернулся гранатовым перстнем в золотой оправе и подкатился к царевне под ноги. Царевна увидала.

— Ах, хорош перстенёк! — Взяла его да на палец надела. Прибежала домой и хвалится:

— Какой я красивый перстень нашла!

Царь залюбовался.

А Ох увидал, что окунь обернулся перстнем, сейчас же обернулся купцом и пошёл к царю:

— Здравствуйте, ваше величество! Я к вам за делом пришёл. Велите вашей дочке отдать мой перстень. Я его своему царю вёз да в воду уронил, а она подняла.

Велел царь позвать царевну.

— Отдай, дочка, перстень, вот хозяин нашёлся.

Царевна заплакала, ногами затопала:

— Не отдам! Заплати купцу за него, сколько спросит, а перстень мой.

А Ох тоже не отступает:

— Мне и на свете не жить, коли не привезу того перстня своему царю!

Царь опять уговаривает:

— Отдай, дочка, а то через нас человеку несчастье будет!

— Ну, коли так,— говорит царевна,— так пусть ни тебе, ни мне не будет! — Да и бросила перстень на землю.

А перстень и рассыпался жемчугом по всей хате, и одна жемчужина подкатилась царевне под каблучок. Она и наступила на неё! Ох обернулся коршуном и давай жемчужные зёрна клевать. Клевал, клевал — все поклевал, отяжелел, чуть двигается. А одного зёрнышка под каблучком у царевны не заметил. И та жемчужинка покати-лась, обернулась ястребом и бросилась на коршуна.

Коршун и лететь не может. Ударил ястреб клювом несколько раз коршуна по голове — у того и дух вон. Так и не стало больше Оха. А ястреб ударился об землю и обернулся пригожим хлопцем. Таким пригожим, что увидела его царевна и сразу влюбилась. Говорит царю:

— Как хочешь, только за этого хлопца замуж пойду, а больше ни за кого.

Царю-то неохота за простого казака дочку отдавать, да что с ней сделаешь! Подумал, подумал да и велел гостей созывать. Такую весёлую свадьбу справили, что весь год о ней вспоминали.

ИВАН-ПОБИВАН

В

стародавние времена повадился страшный змей в одну слободу людей есть. Всех извёл, только дед один остался.

— Ну,— говорит змей,— а с этим завтра покончу.

А в ту пору через слободу шёл один бедный хлопец. Взял да и зашёл к этому деду, попросился переночевать.

— Разве тебе жизнь надоела? — спрашивает дед.

— А что? — говорит бедный хлопец.

Дед возьми да и расскажи ему, как тут змей всех людей погубил и его завтра съесть собирается.

— Ничего,— говорит хлопец,— подавится!

Вот прилетает утром змей, увидел хлопца и обрадовался:

— Вот это хорошо! Был один человек, а стало два.

А хлопец:

— Смотри не подавись.

Змей удивился.

— Как,— говорит,— разве ты сильнее меня?

— Да уж конечно.

— Где же твоя сила? А я вот каков.— И взял камень да как сдавил его, так он песком и рассыпался.

— Ну, это пустяки,— говорит хлопец,— ты вот сдави так, чтобы из камня вода потекла.

Взял, не долго думая, с полки творог, да в тряпку его, да как надавит — сыворотка так и потекла.

— Вот так,— говорит,— надо давить!

— Ну, ладно, идём,— говорит змей,— товарищем будешь. А хлопец ему:

— Разве что старшим.

Вот и пошли. Тут змей его и спрашивает:

— А как звать тебя?

— Иван-Побиван,— говорит хлопец.

Ну, тут змей и совсем перепугался. «Как бы ещё,— думает,— не убил меня».

Пришло время к обеду, змей и говорит:

— Пойди-ка ты, хлопец, да принеси вола, будем обед варить.

Пошёл хлопец.

Вот зашёл он в стадо и стал связывать волов хвостами. А змей ждал, ждал и сам прибежал.

— Что ты, хлопец, делаешь?

— Стану я тебе по одному волов носить! Всех сразу хочу забрать.

— Да ну тебя к бесу, ты мне так всю скотину изведёшь!

Содрал змей с вола шкуру, приволок и даёт эту же шкуру хлопцу.

— Иди-ка,— говорит,— да принеси полную шкуру воды.

Взял хлопец шкуру, еле-еле дотащил до криницы. Спустить спустил, а вытащить не может. Делать нечего, выстро-

гал хлопец небольшую лопату из дерева, ходит вокруг криницы, подкапывает её. Прибегает змей:

— Что ты делаешь?

— Вот ещё, буду я тебе воду в шкуре носить! Возьму всю криницу сразу и принесу.

— Да ну тебя,— говорит змей, оробел перед такой силой и понёс сам воду в шкуре.— Тогда поди,— говорит,— дров принеси. Вырви сухой дуб — этого нам хватит.

— Вот ещё, буду я тебе по мелочи носить! Кабы дубов двадцать сразу — это ещё так-сяк.— И сделал вид, что рассердился,— не пошёл.

Вот змей наварил похлёбки, сел и уплетает. А хлопец и обедать не идёт. Знает: змей сразу догадается, что он не сильный, если увидит, как мало он ест. А когда в котле уже осталось совсем немного похлёбки, хлопец сел, поел и говорит:

— Мало!

— Ладно,— говорит змей,— коли мало, то пойдём к моей мамаше, она вареников наварит.

— Ну, идти так идти,— говорит хлопец, а сам думает: «Теперь пропал».

И вот начали есть: змей всё ест да ест, ест да ест, а хлопец за пазуху всё прячет да прячет вареники. Котлов двадцать подали, а он всё прячет да прячет вареники.

Кончили есть, змей и говорит:

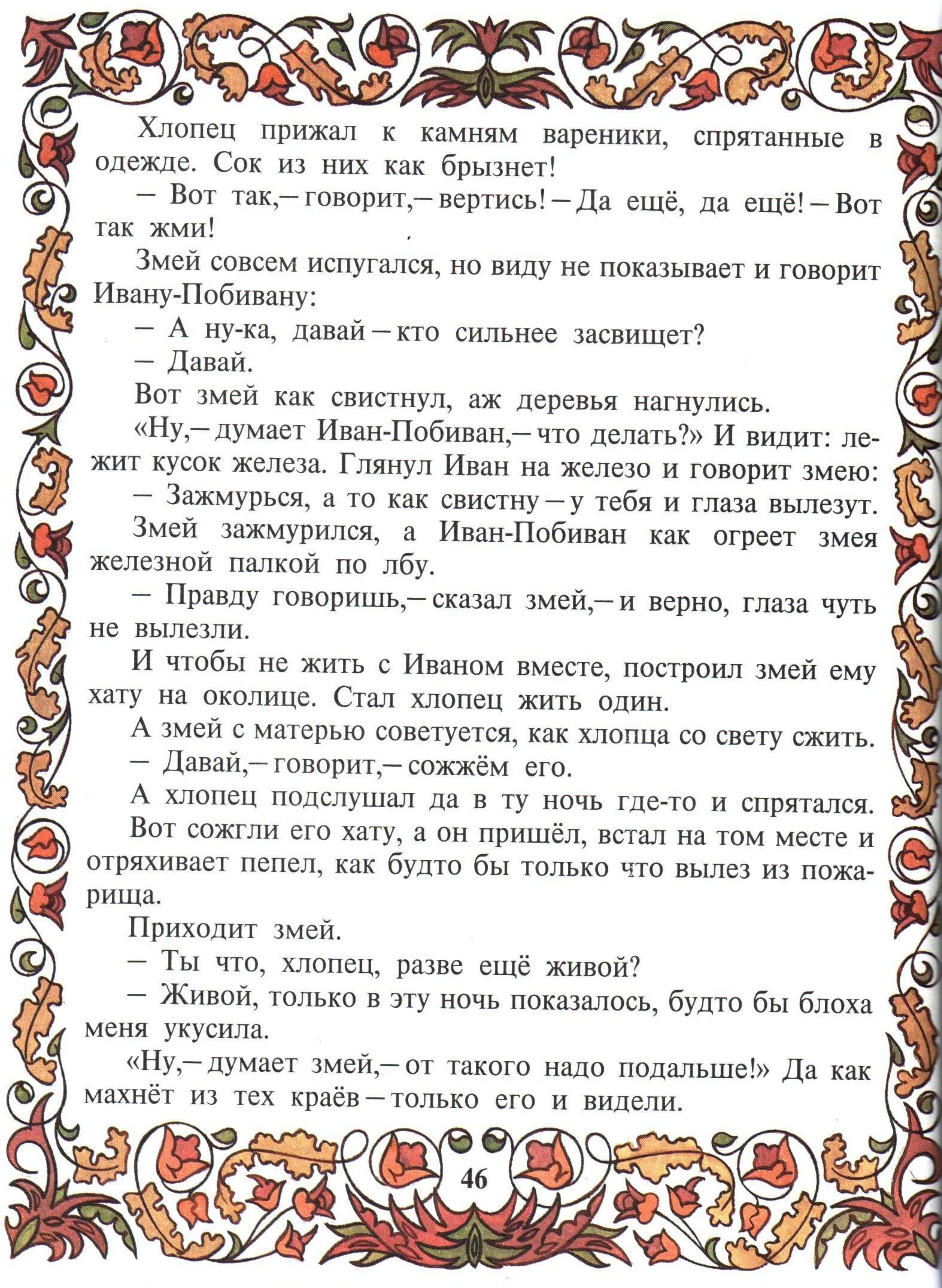
— Идём на камень, повертимся.

— Идти так идти,— отвечает хлопец.

Змей как завертелся на камне — аж искры посыпались.

— Пустяки,— говорит хлопец.— А вот повертись так, чтобы вода потекла.

Хлопец прижал к камням вареники, спрятанные в одежде. Сок из них как брызнет!

— Вот так,— говорит,— вертись! — Да ещё, да ещё! — Вот так жми!

Змей совсем испугался, но виду не показывает и говорит Ивану-Побивану:

— А ну-ка, давай — кто сильнее засвищет?

— Давай.

Вот змей как свистнул, аж деревья нагнулись.

«Ну,— думает Иван-Побиван,— что делать?» И видит: лежит кусок железа. Глянул Иван на железо и говорит змею:

— Зажмурься, а то как свистну — у тебя и глаза вылезут.

Змей зажмурился, а Иван-Побиван как огреет змея железной палкой по лбу.

— Правду говоришь,— сказал змей,— и верно, глаза чуть не вылезли.

И чтобы не жить с Иваном вместе, построил змей ему хату на околице. Стал хлопец жить один.

А змей с матерью советуется, как хлопца со свету сжить.

— Давай,— говорит,— сожжём его.

А хлопец подслушал да в ту ночь где-то и спрятался.

Вот сожгли его хату, а он пришёл, встал на том месте и отряхивает пепел, как будто бы только что вылез из пожара.

Приходит змей.

— Ты что, хлопец, разве ещё живой?

— Живой, только в эту ночь показалось, будто бы блоха меня укусила.

«Ну,— думает змей,— от такого надо подальше!» Да как махнёт из тех краёв — только его и видели.

СТАРИКОВА ДОЧКА И СТАРУХИНА ДОЧКА

Ж

или-были старик со старухой, и была у них дочка. Долго ли, коротко ли пожила старуха на свете да и вздумала помереть; а как помирала, вот что наказала старику:

— Если ты, старик, вздумаешь жениться, то смотри не бери той вдовы, что по соседству живёт со своей дочкой. Она тебе будет женою, а нашему дитятке не будет матерью!

— Ладно,— говорит старик,— ни на ком не женюсь!

Вот схоронил старик старуху и поминки справил, как полагается, да и живёт один-одинёшенек. А малое время спустя шёл он как-то селом да и зашёл к той вдове, о которой старуха говорила. И забыл он, что обещал своей старухе ни на ком не жениться. Сидит у вдовы, разговаривает, а под конец и о свадьбе речь завёл. Вдова рада до смерти.

— Я давно этого ждала!— говорит.

Вот забрала она всё своё добро и вместе с дочкой пошла жить к деду.

Живут они все вместе — старикова дочка и старухина дочка. И невзлюбила злая баба старикову дочку: донимает бедную девку. Да и меж собой девушки часто ссорятся.

Пойдут, бывало, на посиделки — старикова дочка прядёт, а старухина знай всю ночь гуляет. А гуляючи-то, всю пряжу спутает да порвёт. Домой идут рано утром. Дойдут до перелеза — старухина дочка говорит:

— Дай мне пасмы¹, сестрица, я подержу, пока ты перелезешь.

— Ладно, — отвечает, — на́, сестрица.

Вот, пока старикова дочка перелезает, старухина схватит пасмы, прибежит к матери и наговорит с три короба, будто падчерица всю ночь гуляла, пряжу порвала, перепутала.

— А я пряла и домой поспешала. Видишь, какая она ленивая, нерадивая!

Придёт старикова дочка домой, а мачеха ну её бить-колотить, деду жаловаться:

— Никудышная твоя дочь — не хочет работать! А ты не хочешь её учить!

Как мачеха ни злилась, как ни издевалась над падчерицей, что про неё деду ни наговаривала, та всё терпит: работает себе молча. А бабе досадно смотреть на неё, обидно, что дед её жалеет. И стали они с дочерью советоваться, как бы эту падчерицу совсем со свету сжить.

И начала старуха к старику приставать:

— Твоя дочь ленивая, ничего не хочет делать, только гуляет да спит. А ты всё её жалеешь! Ты б лучше отдал её в батрачки.

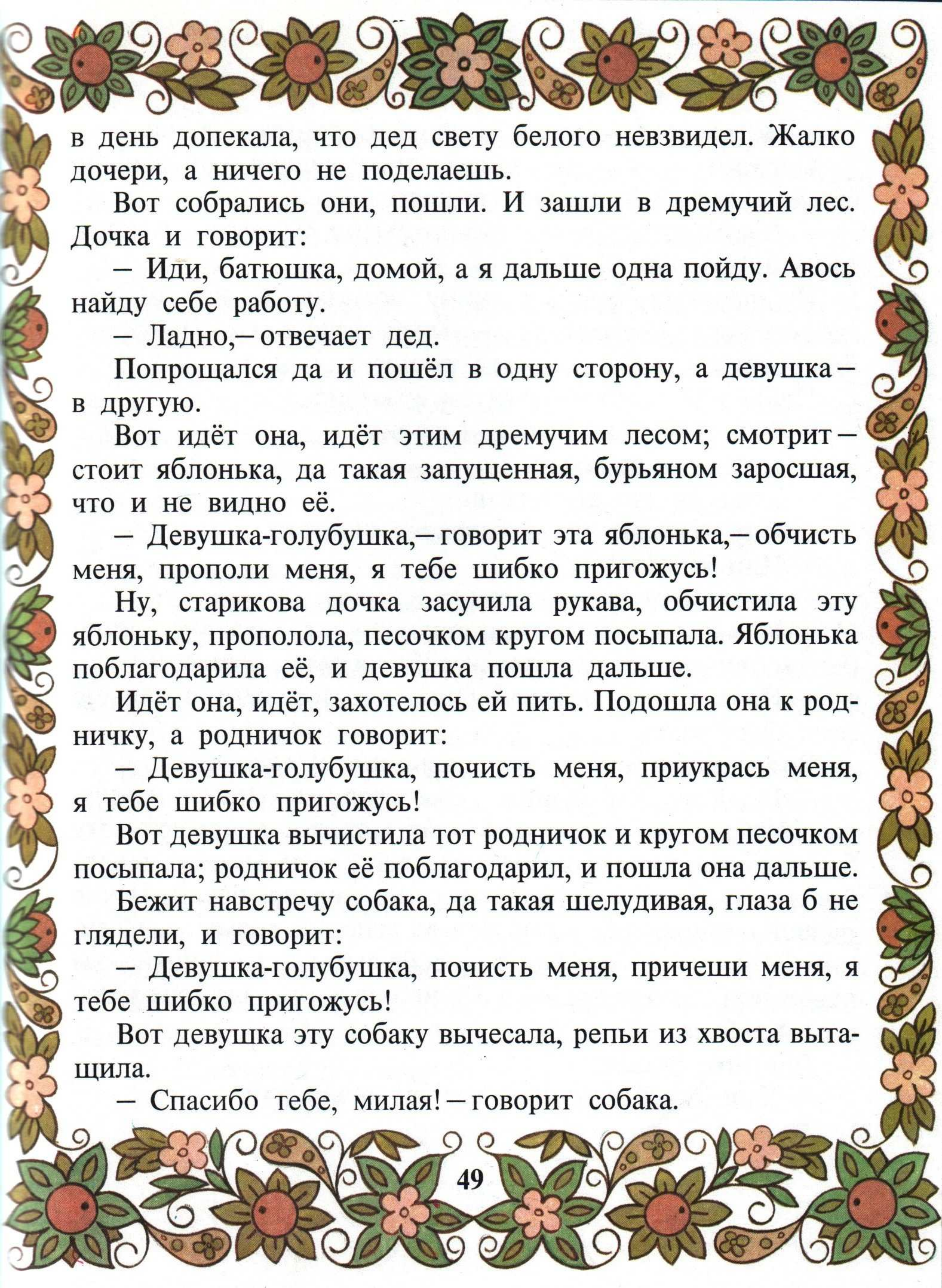
— Да куда я отдам-то? — спрашивает дед.

— А коли некуда, води куда знаешь. Чтоб дома духу её не было!

И так проклятая баба пристала к деду, так его изо дня

¹ П а с м а — часть мотка пряжи.

в день допекала, что дед свету белого невзвидел. Жалко дочери, а ничего не поделаешь.

Вот собрались они, пошли. И зашли в дремучий лес. Дочка и говорит:

— Иди, батюшка, домой, а я дальше одна пойду. Авось найду себе работу.

— Ладно,— отвечает дед.

Попрощался да и пошёл в одну сторону, а девушка — в другую.

Вот идёт она, идёт этим дремучим лесом; смотрит — стоит яблонька, да такая запущенная, бурьяном заросшая, что и не видно её.

— Девушка-голубушка,— говорит эта яблонька,— обчисти меня, прополи меня, я тебе шибко пригожусь!

Ну, старикова дочка засучила рукава, обчистила эту яблоньку, прополола, песочком кругом посыпала. Яблонька поблагодарила её, и девушка пошла дальше.

Идёт она, идёт, захотелось ей пить. Подошла она к родничку, а родничок говорит:

— Девушка-голубушка, почисти меня, приукрась меня, я тебе шибко пригожусь!

Вот девушка вычистила тот родничок и кругом песочком посыпала; родничок её поблагодарил, и пошла она дальше.

Бежит навстречу собака, да такая шелудивая, глаза б не глядели, и говорит:

— Девушка-голубушка, почисти меня, причеши меня, я тебе шибко пригожусь!

Вот девушка эту собаку вычесала, репы из хвоста вытащила.

— Спасибо тебе, милая! — говорит собака.

— Не на чем,— сказала девушка и пошла дальше.

Смотрит — стоит печь, облупленная, чёрная, а рядышком глина лежит. Вот печка и говорит:

— Девушка-голубушка, обмажь меня, приукрась меня, я тебе шибко пригожусь!

Ну, девушка замесила глину, обмазала её кругом, как следует быть, цветами да листьями разрисовала. Печка поблагодарила девушку, и она пошла дальше.

Идёт, идёт — встречается ей женщина.

— Здравствуй, девушка! — говорит.

— Доброго здоровья!

— Куда же это ты идёшь?

— Иду — может, где в батрачки наймусь.

— Иди ко мне!

— Ладно,— отвечает девушка,— пойду.

— У меня,— говорит женщина,— будет нетрудно, лишь бы ты делала всё так, как я тебе покажу. Сумеешь?

— Почему ж не сумею? Один раз покажете, а дальше сама буду знать.

Вот пришли они в хату; женщина и говорит:

— Ну, девушка, видишь — стоят горшки. Поутру и вечером будешь ты кипятить в этих горшках воду, воду эту будешь выливать в корыто, насыпать туда муки и делать болтушку. Только гляди, чтоб не горячо было! После будешь становиться на пороге да свистать громким посвистом трижды. И сползутся к тебе разные зверюшки — ты накормишь их хорошенько. Да не бойся их — зла тебе никакого не будет.

Девушка сказала:

— Ладно, всё исполню, как вы приказали.

Вот они поужинали. Затопила девушка печь, нагрела воды, вылила в корыто, муки туда всыпала и заболтала. Потом стала на пороге, трижды громким посвистом свистнула — как полезло всякое зверьё к корыту. Наелись и расползлись, куда кому надо. И так целый год старикова дочка служила и делала всё, что приказывала ей хозяйка. Вот кончился год, и говорит хозяйка стариковой дочери:

— Слушай-ка, девушка! Сегодня ровно год, как ты у меня. Ежели хочешь, оставайся ещё. А не хочешь — как хочешь. Ты хорошо у меня работала, спасибо тебе.

Девушка поблагодарила хозяйку за хлеб, за соль и за всё и сказала так:

— Хочу домой. Спасибо вам, хозяйюшка!

А хозяйка и говорит ей:

— Так иди же выбери какого хочешь коня и повозку.

А сама наготовила ей полную укладку всякого добра и проводила до опушки. Там они и попрощались. Хозяйка вернулась домой, а старикова дочка поехала домой и радуется, что всё так хорошо обошлось.

Вот едет она мимо той печи, которую когда-то обмазала, глядит — а в ней полнёхонько пышек. Печь и говорит:

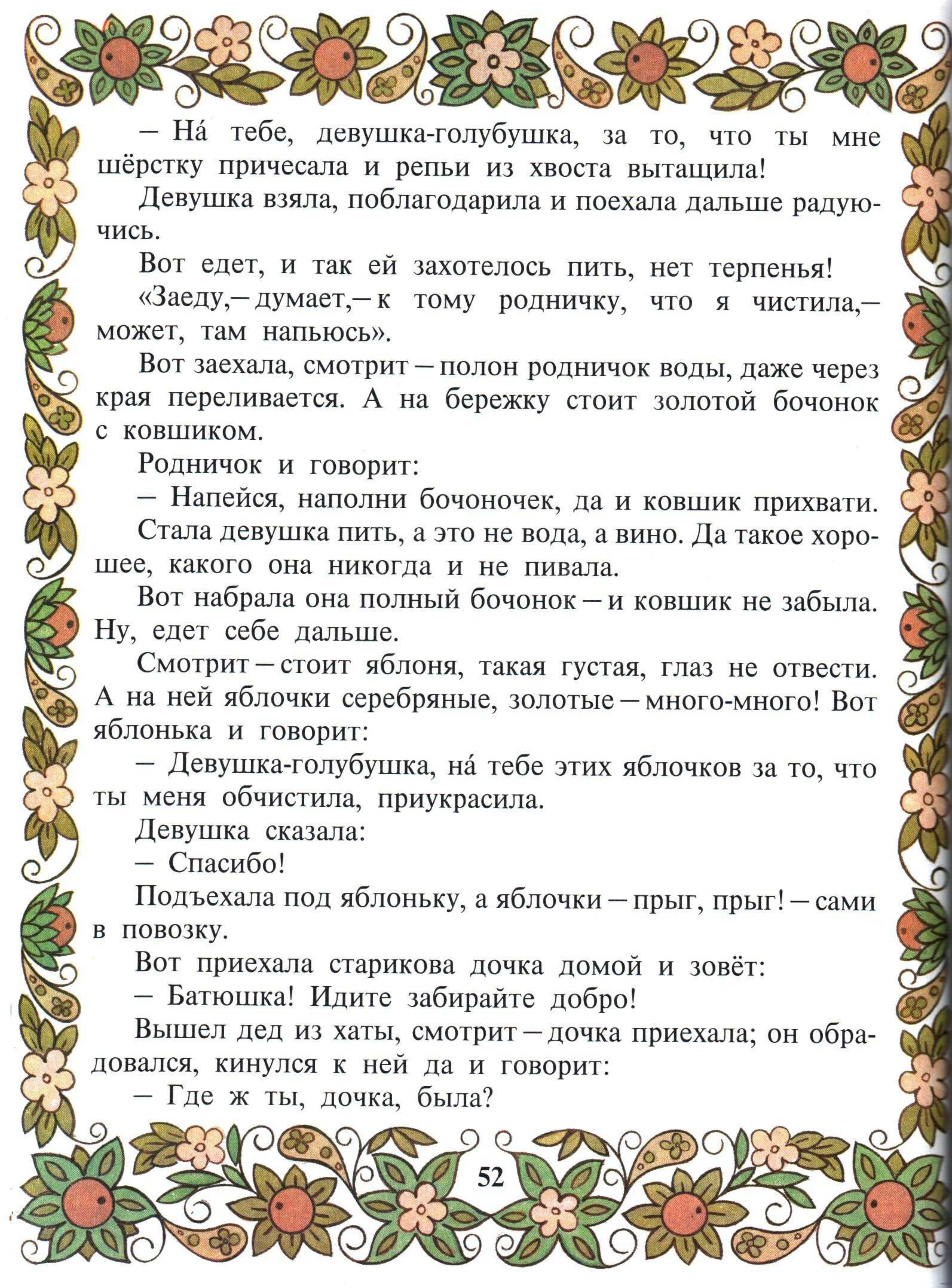
— Девушка-голубушка, на́ тебе эти пышки за то, что ты меня прибрала да приукрасила.

Девушка поблагодарила и только подъехала к печке, пышки — прыг, прыг! — и попрыгали сами в повозку. Печь заслонилась, а девушка поехала дальше.

Вот едет она да едет, смотрит — бежит собака и несёт наместо¹, такое красивое, блестящее, длинное. Подбежала собака к повозке и говорит:

¹ На м í с т о — ожерелье.

— На́ тебе, девушка-голубушка, за то, что ты мне шёрстку причесала и репы́и из хвоста вытащи́ла!

Девушка взяла, поблагодарила и поехала дальше раду́ючись.

Вот едет, и так ей захотелось пить, нет терпе́нья!

«Заеду,— думает,— к тому родничку, что я чисти́ла,— может, там напью́сь».

Вот заехала, смотрит — полон родничок воды, даже через края переливается. А на бережку стоит золо́той бочонок с ковшиком.

Родничок и говорит:

— Напейся, наполни бочоночек, да и ковшик прихвати. Стала девушка пить, а это не вода, а вино. Да такое хорошее, какого она никогда и не пивала.

Вот набрала она полный бочонок — и ковшик не забыла. Ну, едет себе дальше.

Смотрит — стоит яблоня, такая густая, глаз не отвести. А на ней яблочки серебряные, золотые — много-много! Вот яблонька и говорит:

— Девушка-голубушка, на́ тебе этих яблочков за то, что ты меня обчисти́ла, приукраси́ла.

Девушка сказала:

— Спасибо!

Подъехала под яблоньку, а яблочки — прыг, прыг! — сами в повозку.

Вот приехала стари́кова дочка домой и зо́вёт:

— Батюшка! Идите забирайте добро!

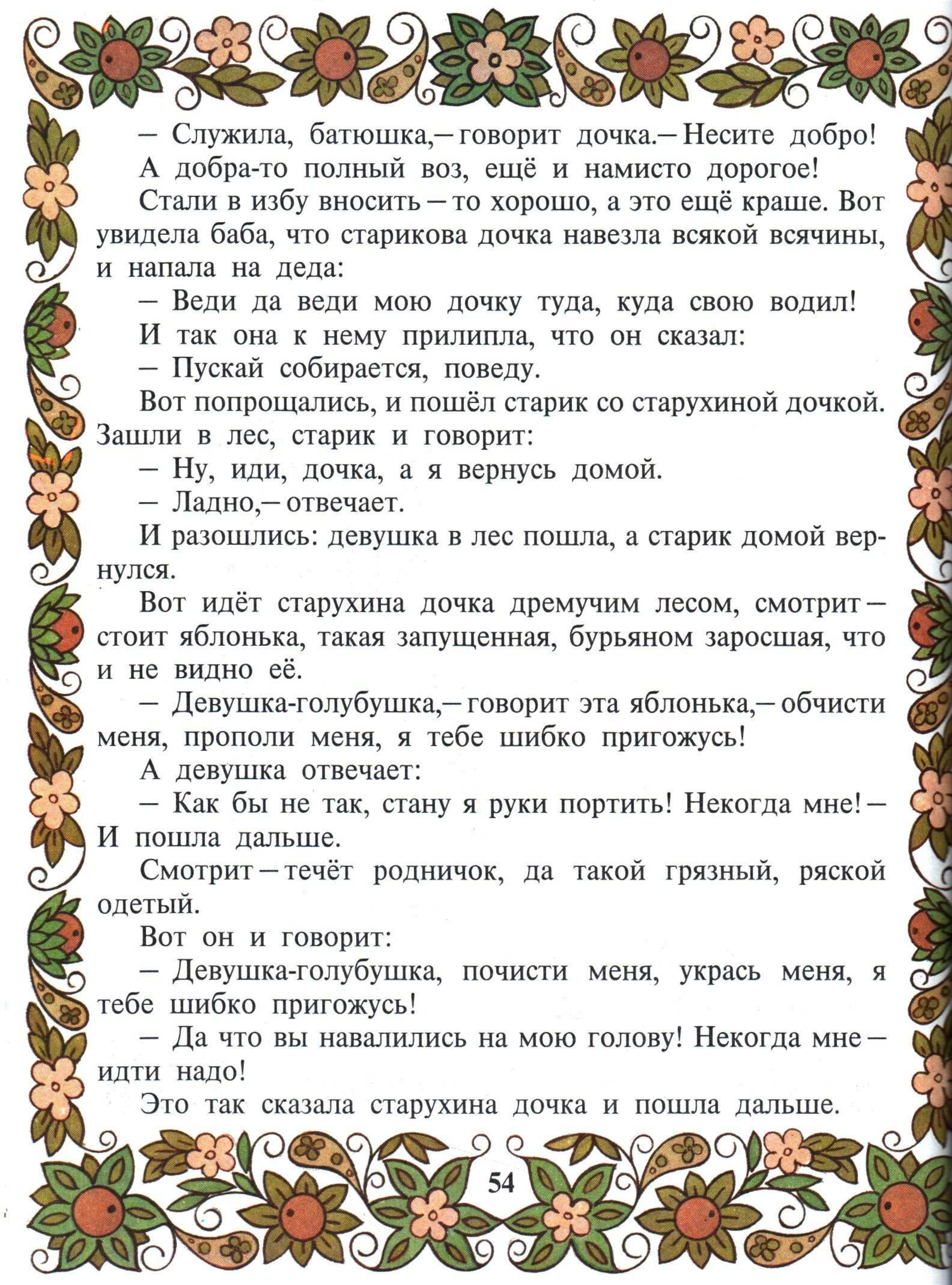
Вышел дед из хаты, смотрит — дочка приехала; он обрадовался, кинулся к ней да и говорит:

— Где ж ты, дочка, была?

— Служила, батюшка,— говорит дочка.— Несите добро!
А добра-то полный воз, ещё и наместо дорогое!
Стали в избу вносить — то хорошо, а это ещё краше. Вот увидела баба, что старикова дочка навезла всякой всячины, и напала на деда:

— Веди да веди мою дочку туда, куда свою водил!
И так она к нему прилипла, что он сказал:

— Пускай собирается, поведу.

Вот попрощались, и пошёл старик со старухиной дочкой.
Зашли в лес, старик и говорит:

— Ну, иди, дочка, а я вернусь домой.

— Ладно,— отвечает.

И разошлись: девушка в лес пошла, а старик домой вернулся.

Вот идёт старухина дочка дремучим лесом, смотрит — стоит яблонька, такая запущенная, бурьяном заросшая, что и не видно её.

— Девушка-голубушка,— говорит эта яблонька,— обчисти меня, прополи меня, я тебе шибко пригожусь!

А девушка отвечает:

— Как бы не так, стану я руки портить! Некогда мне! —
И пошла дальше.

Смотрит — течёт родничок, да такой грязный, ряской одетый.

Вот он и говорит:

— Девушка-голубушка, почисти меня, укрась меня, я тебе шибко пригожусь!

— Да что вы навалились на мою голову! Некогда мне —
идти надо!

Это так сказала старухина дочка и пошла дальше.

Вот идёт она мимо той печи, а печь и говорит:

— Девушка-голубушка, обмажь меня, приукрась меня, я тебе шибко пригожусь!

— Нашла дуру, стану я мараться! — сказала старухина дочка, осерчала и пошла дальше.

Смотрит — бежит собака, да такая шелудивая, что гадко на неё взглянуть.

— Девушка-голубушка, почисть меня, причеши меня, я тебе шибко пригожусь!

Девушка поглядела да и говорит:

— Выдумала, что сказать! Такая паршивая, а хочет, чтобы я с ней возилась! Не дождёшься! — И пошла дальше.

Вот повстречалась ей та самая женщина, у которой старикова дочка служила.

— Здравствуй, девушка! — говорит.

— Доброго здоровья, тётенька!

— Куда ты идёшь? — спрашивает.

— Да хочу, тётенька, наняться куда-нибудь.

— Иди ко мне!

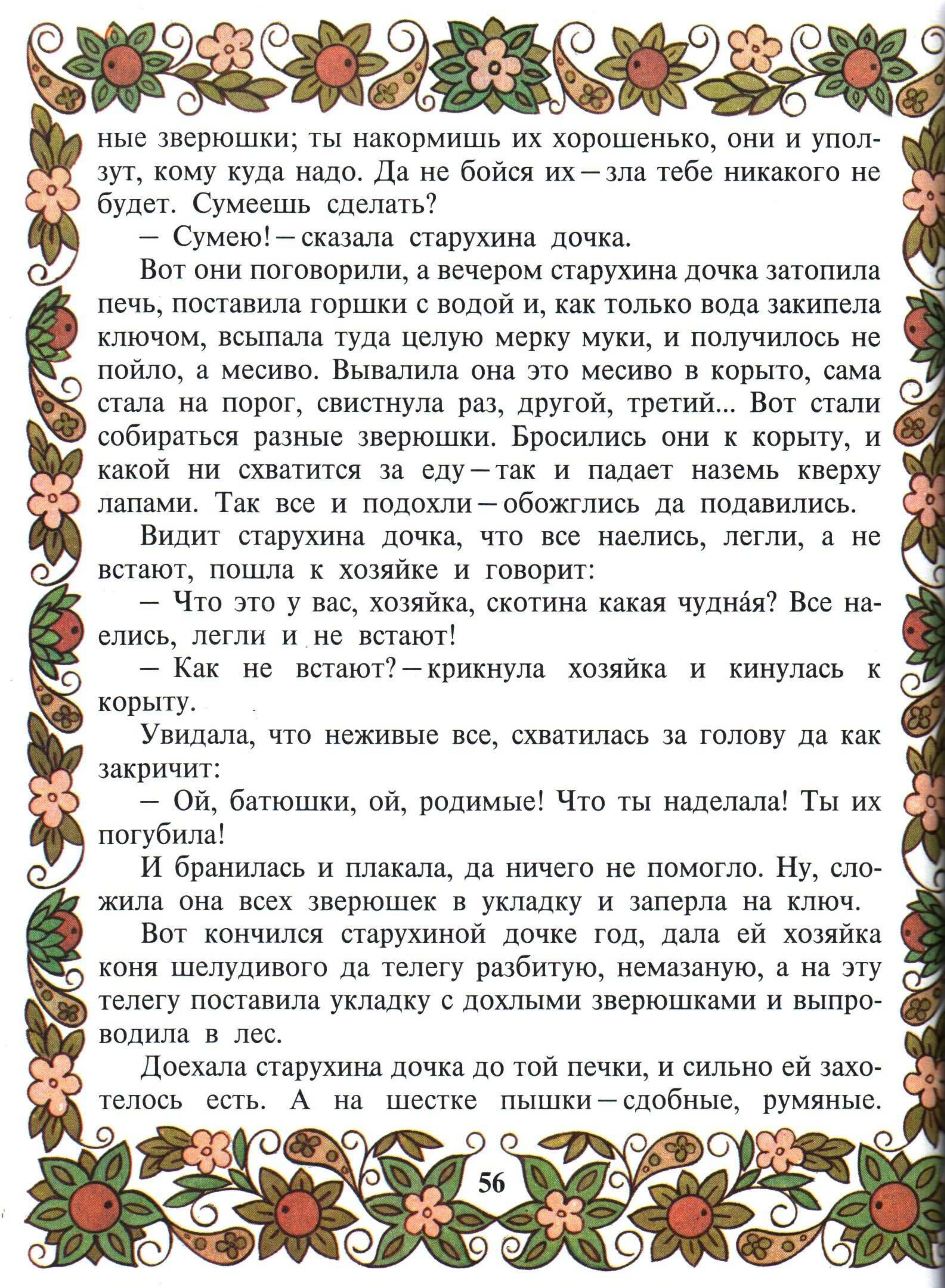
— Ладно, тётенька. А какая у вас работа?

— Да нетрудная, дочка! Лишь бы ты сумела всё сделать, как я скажу.

— А почему не сумеешь? Раз скажете, а на другой раз сама знать буду.

— Вот что, девушка, — говорит женщина, — видишь — стоят горшки? Поутру и вечером будешь ты кипятить в этих горшках воду; воду эту будешь выливать в корыто да насыпать туда муки и делать болтушку. Только гляди, чтоб не горячо было! После будешь становиться на пороге да свистать громким посвистом трижды. И соберутся к тебе раз-

ные зверюшки; ты накормишь их хорошенько, они и уползут, кому куда надо. Да не бойся их — зла тебе никакого не будет. Сумеешь сделать?

— Сумею! — сказала старухина дочка.

Вот они поговорили, а вечером старухина дочка затопила печь, поставила горшки с водой и, как только вода закипела ключом, всыпала туда целую мерку муки, и получилось не пойло, а месиво. Вывалила она это месиво в корыто, сама стала на порог, свистнула раз, другой, третий... Вот стали собираться разные зверюшки. Бросились они к корыту, и какой ни схватится за еду — так и падает наземь кверху лапами. Так все и подохли — обожглись да подавились.

Видит старухина дочка, что все наелись, легли, а не встают, пошла к хозяйке и говорит:

— Что это у вас, хозяйка, скотина какая чудная? Все наелись, легли и не встают!

— Как не встают? — крикнула хозяйка и кинулась к корыту.

Увидала, что неживые все, схватилась за голову да как закричит:

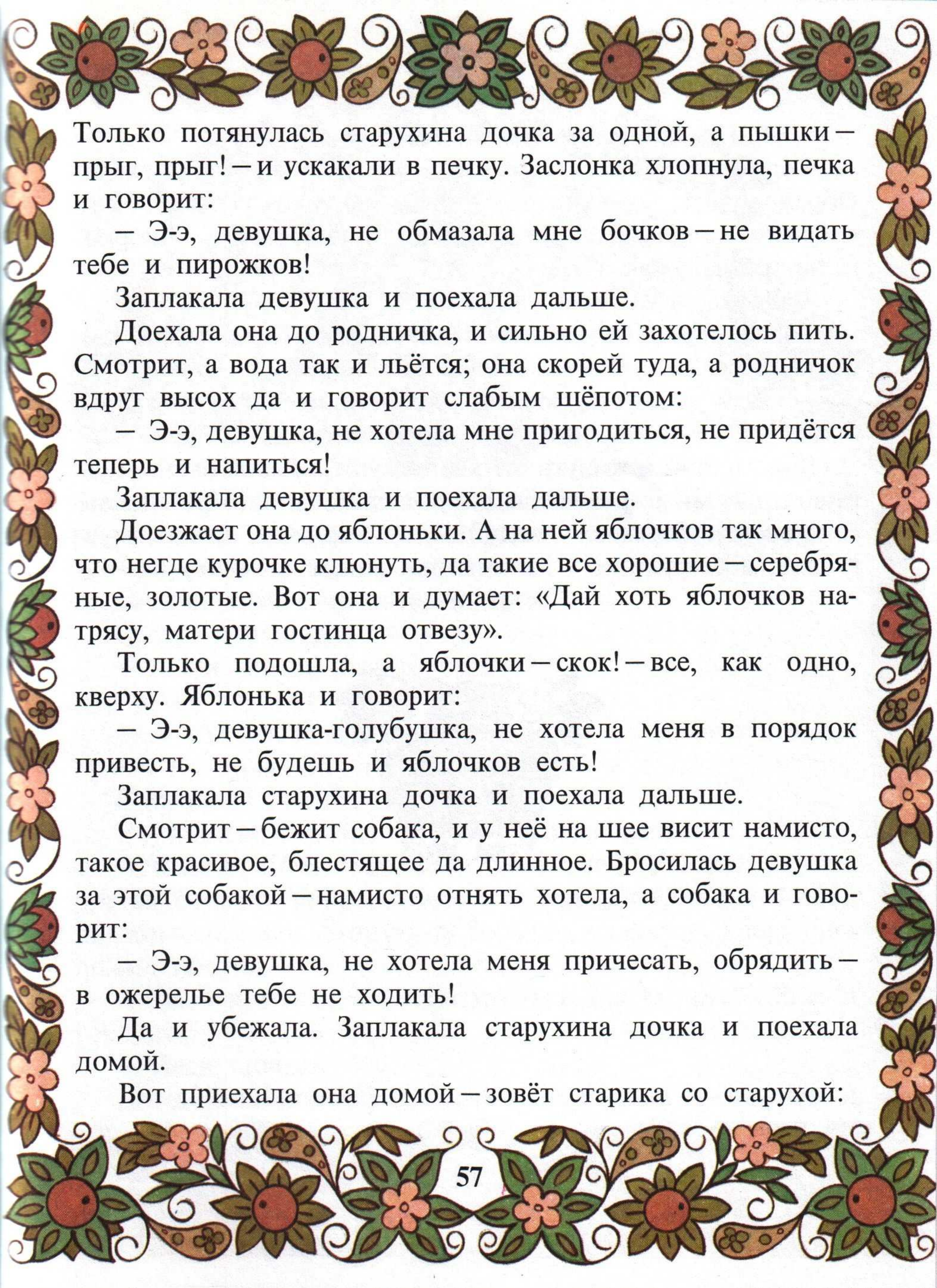
— Ой, батюшки, ой, родимые! Что ты наделала! Ты их погубила!

И бранилась и плакала, да ничего не помогло. Ну, сложила она всех зверюшек в укладку и заперла на ключ.

Вот кончился старухиной дочке год, дала ей хозяйка коня шелудивого да телегу разбитую, немазаную, а на эту телегу поставила укладку сдохлыми зверюшками и выпроводила в лес.

Доехала старухина дочка до той печки, и сильно ей захотелось есть. А на шестке пышки — сдобные, румяные.

Только потянулась старухина дочка за одной, а пышки — прыг, прыг! — и ускакали в печку. Заслонка хлопнула, печка и говорит:

— Э-э, девушка, не обмазала мне бочков — не видать тебе и пирожков!

Заплакала девушка и поехала дальше.

Доехала она до родничка, и сильно ей захотелось пить. Смотрит, а вода так и льётся; она скорее туда, а родничок вдруг высох да и говорит слабым шёпотом:

— Э-э, девушка, не хотела мне пригодиться, не придётся теперь и напиться!

Заплакала девушка и поехала дальше.

Доезжает она до яблоньки. А на ней яблочков так много, что негде курочке клюнуть, да такие все хорошие — серебряные, золотые. Вот она и думает: «Дай хоть яблочков натрясу, матери гостинца отвезу».

Только подошла, а яблочки — скок! — все, как одно, кверху. Яблонька и говорит:

— Э-э, девушка-голубушка, не хотела меня в порядок привести, не будешь и яблочков есть!

Заплакала старухина дочка и поехала дальше.

Смотрит — бежит собака, и у неё на шее висит намисто, такое красивое, блестящее да длинное. Бросилась девушка за этой собакой — намисто отнять хотела, а собака и говорит:

— Э-э, девушка, не хотела меня причесать, обрядить — в ожерелье тебе не ходить!

Да и убежала. Заплакала старухина дочка и поехала домой.

Вот приехала она домой — зовёт старика со старухой:

— Идите забирайте добро!

Дед и баба выбежали из хаты, смотрят — дочка приехала. Обрадовались, повели её в хату, внесли укладку. Вот открыли они укладку — смотрят, а там жабы, ящерики, гадюки! Баба как закричит:

— Дочка, что это такое?

Тогда старухина дочка стала рассказывать, что и как было. Рассказала всё, а старуха и говорит:

— Сиди уж лучше дома. Та добра привезла, а ты гадюк околелых! Ещё хорошо, что жива осталась.

Вот так они и живут: хлеб-соль жуют... Я там была, мёд-пиво пила, мимо рта текло, а в рот не попало. Коромыслом сено возят, оберемком¹ воду носят! Старикова дочка замуж пошла, а старухина и до сих пор живёт в вековухах.

¹Оберемок — охапка.

ПОКАТИ ГОРОШЕК

Ж

или старик да старуха.

Было у них шесть сыновей да одна дочка. Вот батька послал раз сыновей поле пахать. Собрались сыновья и говорят:

— Пусть нам сестра на пашню обед принесёт, чтобы среди дня домой не возвращаться.

Сестра спрашивает:

— А где же вы пахать будете?

Братья говорят:

— А мы проведём плугом борозду от самого дома и прямо до поля. Вот ты той бороздой и ступай.

Собрались братья, поехали.

Едут, сами борозду плугом прокладывают.

А в лесу, близ того поля, жил змей. Увидел он, что братья борозду прокладывают, и догадался, что это след для кого-то. Змей затоптал ту борозду, а к своему двору проложил новую.

А мать в это время приготовила для сыновей обед и говорит:

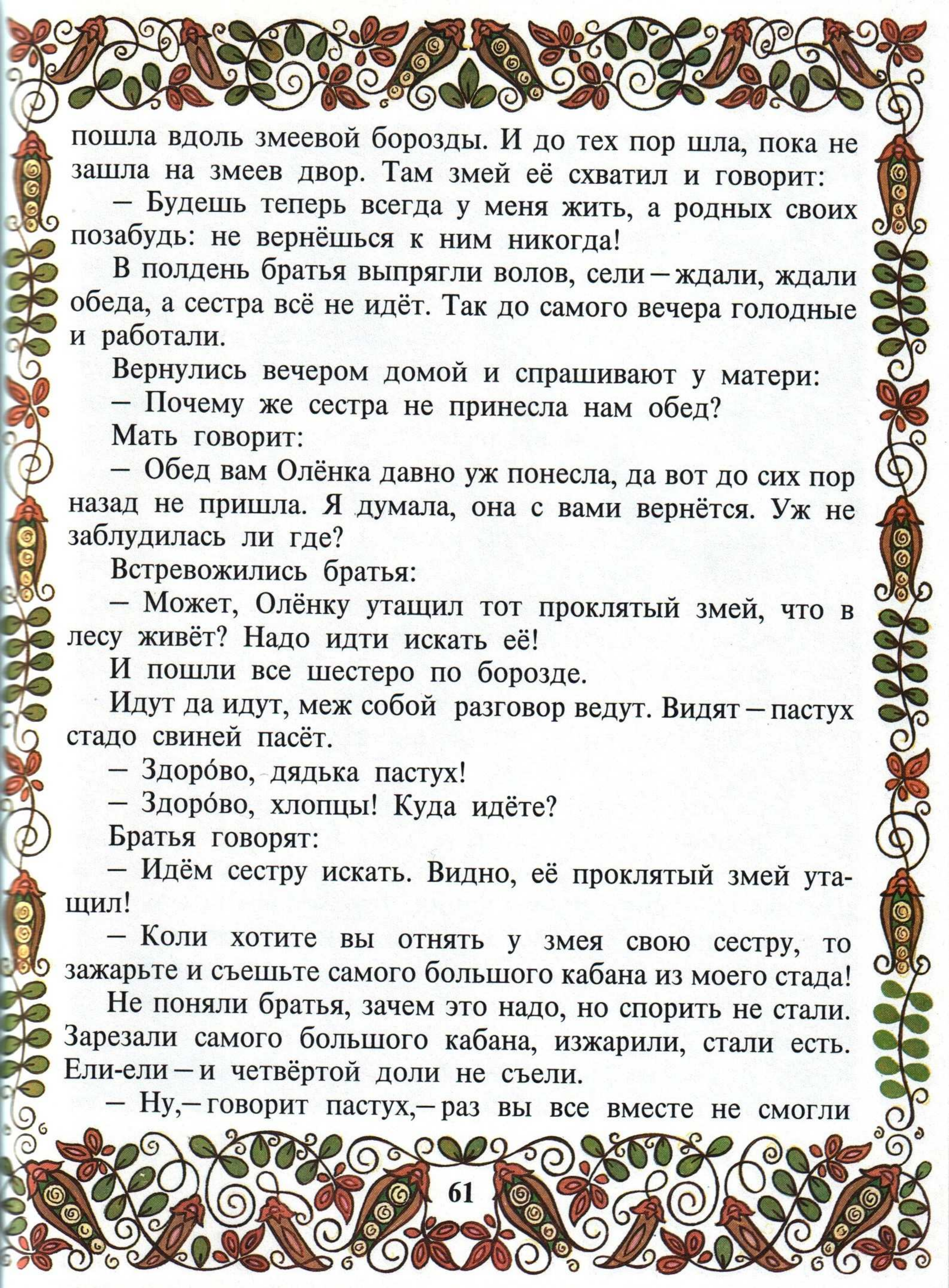
— Неси, дочка!

Вот дочка и понесла братьям обед. Вышла она из дому и

пошла вдоль змеевой борозды. И до тех пор шла, пока не зашла на змеев двор. Там змей её схватил и говорит:

— Будешь теперь всегда у меня жить, а родных своих позабудь: не вернёшься к ним никогда!

В полдень братья выпрягли волов, сели — ждали, ждали обеда, а сестра всё не идёт. Так до самого вечера голодные и работали.

Вернулись вечером домой и спрашивают у матери:

— Почему же сестра не принесла нам обед?

Мать говорит:

— Обед вам Олёнка давно уж понесла, да вот до сих пор назад не пришла. Я думала, она с вами вернётся. Уж не заблудилась ли где?

Встревожились братья:

— Может, Олёнку утащил тот проклятый змей, что в лесу живёт? Надо идти искать её!

И пошли все шестеро по борозде.

Идут да идут, меж собой разговор ведут. Видят — пастух стадо свиней пасёт.

— Здорóво, дядька пастух!

— Здорóво, хлопцы! Куда идёте?

Братья говорят:

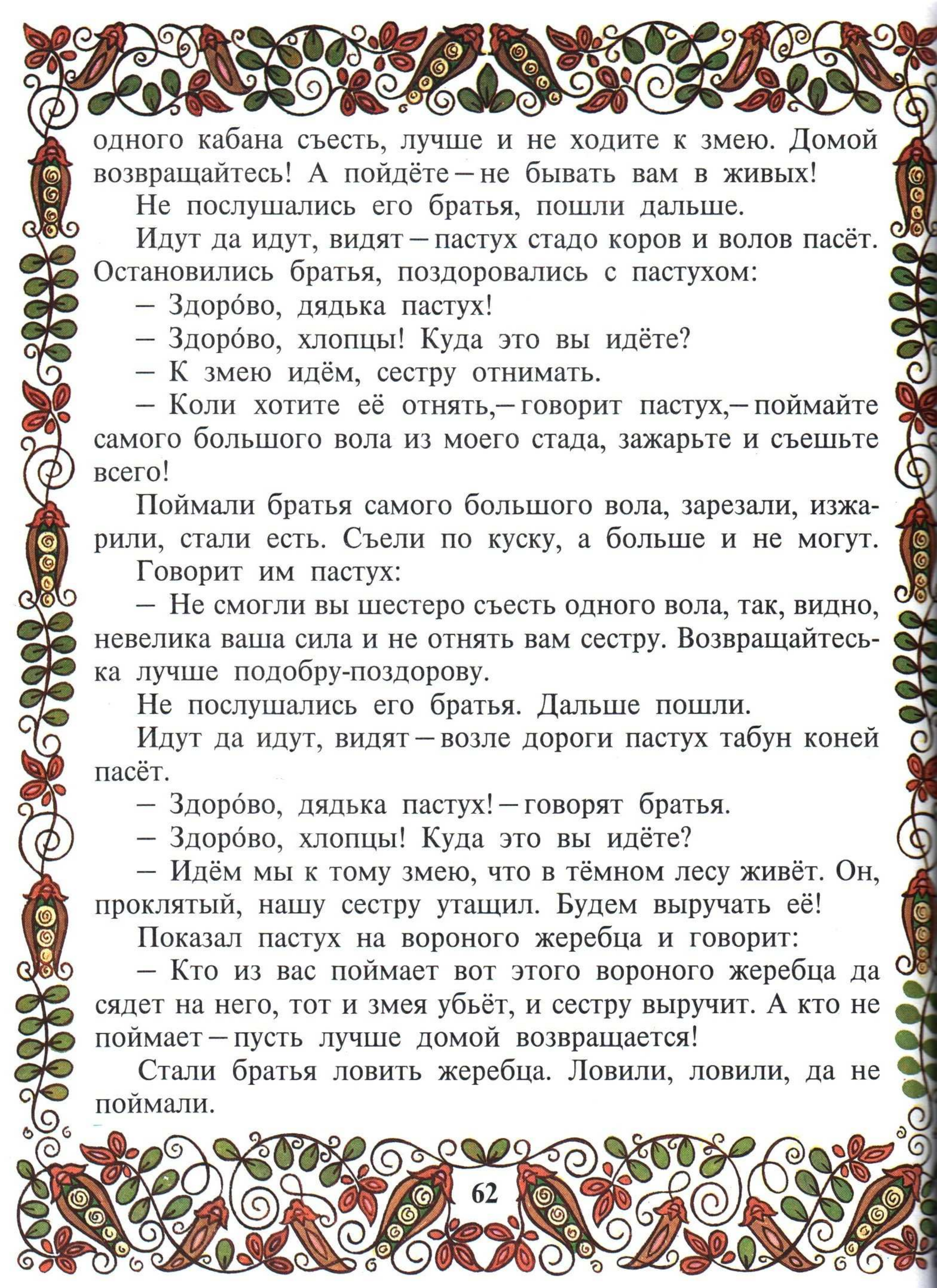
— Идём сестру искать. Видно, её проклятый змей утащил!

— Коли хотите вы отнять у змея свою сестру, то зажарьте и съешьте самого большого кабана из моего стада!

Не поняли братья, зачем это надо, но спорить не стали. Зарезали самого большого кабана, изжарили, стали есть. Ели-ели — и четвертой доли не съели.

— Ну, — говорит пастух, — раз вы все вместе не смогли

одного кабана съесть, лучше и не ходите к змею. Домой возвращайтесь! А пойдёте — не бывать вам в живых!

Не послушались его братья, пошли дальше.

Идут да идут, видят — пастух стадо коров и волов пасёт. Остановились братья, поздоровались с пастухом:

— Здорóво, дядька пастух!

— Здорóво, хлопцы! Куда это вы идёте?

— К змею идём, сестру отнимать.

— Коли хотите её отнять, — говорит пастух, — поймайте самого большого вола из моего стада, зажарьте и съешьте всего!

Поймали братья самого большого вола, зарезали, изжарили, стали есть. Съели по куску, а больше и не могут.

Говорит им пастух:

— Не смогли вы шестеро съесть одного вола, так, видно, невелика ваша сила и не отнять вам сестру. Возвращайтесь — лучше подобру-поздорову.

Не послушались его братья. Дальше пошли.

Идут да идут, видят — возле дороги пастух табун коней пасёт.

— Здорóво, дядька пастух! — говорят братья.

— Здорóво, хлопцы! Куда это вы идёте?

— Идём мы к тому змею, что в тёмном лесу живёт. Он, проклятый, нашу сестру утащил. Будем выручать её!

Показал пастух на вороного жеребца и говорит:

— Кто из вас поймает вот этого вороного жеребца да сядет на него, тот и змея убьёт, и сестру выручит. А кто не поймает — пусть лучше домой возвращается!

Стали братья ловить жеребца. Ловили, ловили, да не поймали.

— Возвращайтесь домой! — говорит им пастух.

— Нет, пойдём сестру выручать!

Пошли дальше. Идут да идут и пришли к змееву двору. Вошли во двор, огляделись, стали сестру звать.

Вышла Олёнка, их сестра, и говорит:

— Братики мои, голубчики! Зачем вы сюда пришли? Ведь вам этого змея не одолеть. Как прилетит он домой — всех вас погубит. Куда же я вас спрячу? Посидите вот в этом хлеву.

Только братья спрятались в хлев, загудела, затряслась земля. Прилетел змей, оглядел всё, обнюхал и говорит:

— Фу! Фу! Как человеческим духом пахнет!

А Олёнка ему в ответ:

— Какие же тут люди, кроме меня? Ты по свету налегался, человеческого духу нанюхался.

— А может, и так! — говорит змей.

Стала Олёнка выпрашивать его:

— Что бы ты сделал, если бы мои братья сюда пришли? Погубил бы ты их?

— Нет, — отвечает змей, — не погубил бы. Как дорогих гостей встретил бы!

Обрадовалась Олёнка, побежала во двор. Открыла хлев и говорит:

— Выходите, братики!

Вышли они. Змей спрашивает:

— Ну, как живёте-можете, гости дорогие?

— Ничего.

— Давай, Олёнка, угощать гостей дорогих. Собирай обед!

Подала сестра обед. Змей по целой воловьей туше гло-

тает, а братья по кусочку съели — больше не могут. Змей говорит:

— Неси теперь орехов на закуску.

Принесла Олёнка мешок железных орехов. А орехи — каждый по кулаку. Змей и говорит братьям:

— Ну, гости дорогие, будем орешки грызть!

Змей знай щёлкает орехи один за другим. А братья взяли по одному ореху, хотели раскусить, да не смогли. Засмеялся змей и говорит:

— Ну, хлопцы, биться будем или мириться?

— Будем биться!

— Тогда идёмте на ровное место, на площадку!

Пришли на гладкое место, на площадку.

Дунул змей — стала площадка чугунной. Ударил змей братьев — всех шестерых вогнал в чугунную площадку. Потом вытащил всех, бросил в глубокую яму, а яму завалил тяжёлым камнем...

Ждали, ждали старик да старуха своих сыновей, а их всё нету.

— Ну, — говорят, — видно, сгинули они, пропали, никогда к нам не вернутся... Одни мы, горемычные, на белом свете остались!..

Как-то раз выстирала старуха бельё и пошла на реку полоскать. Полощет она бельё и видит — катится по берегу горошина. Подняла она ту горошину, проглотила и пошла домой.

Много ли, мало ли времени прошло — родился у неё сын. Стали старики думать, как его назвать. Вспомнила старуха горошинку, которую возле реки нашла да проглотила, и говорит:

— Назовём его Покатигорошком!

Так и назвали.

Растёт Покатигорошек не по годам, не по дням — по часам да по минутам. И вырос такой-то большой, такой-то складный да пригожий! Во всём отцу с матерью помощник, ни от какой работы не отказывается.

Задумал раз старик выкопать возле хаты колодец. Стал копать. И Покатигорошек с ним копает. Копали, копали и докопались до огромного камня. Старик говорит:

— Надо людей на помощь звать, одним нам этот камень не вынуть!

Пошёл звать людей. Пока старик ходил да людей звал, Покатигорошек сам вытащил камень. Стоит, подкидывает камень, будто это маленький камешек. Пришли люди — дивятся, глазам своим не верят: никогда такого силача не видывали!

Стали старик и Покатигорошек копать дальше. Копали, копали и выкопали железную булавку.

— Пойду я, батька, к кузнецу, — говорит Покатигорошек, — пусть он мне из этой булавки булаву¹ выкует!

Пришёл к кузнецу, принёс булавку.

Удивился кузнец, думает:

«Разве можно сделать из этой булавки булаву?»

Да и выковал булаву из своего железа.

Приходит Покатигорошек и спрашивает:

— Ну что, выковал булаву?

— Выковал.

— А из моей булавки она?

---

¹ Булава́ — палка, палица с шаром или утолщением на конце.

— Из твоей.

Взял Покатигорошек булаву, вернулся домой и говорит отцу:

— Брошу я мою булаву в небо и лягу спать, а вы меня через двенадцать суток разбудите. Когда булава будет вниз падать, я её подхвачу!

Вышел во двор и забросил булаву вверх. После того вернулся в хату, лёг и заснул.

Через двенадцать суток летит булава вниз, гудит вовсю! Разбудил отец Покатигорошка. Тот вышел, поставил мизинец. Булава как ударилась о мизинец, так и рассыпалась на мелкие кусочки.

— Нет,— говорит Покатигорошек,— не из моей булавки кузнец эту булаву выковал!

Пришёл к кузнецу, велел другую булаву выковать — из своей булавки.

— А обманешь, так я тебя самого разобью молотом на наковальне!

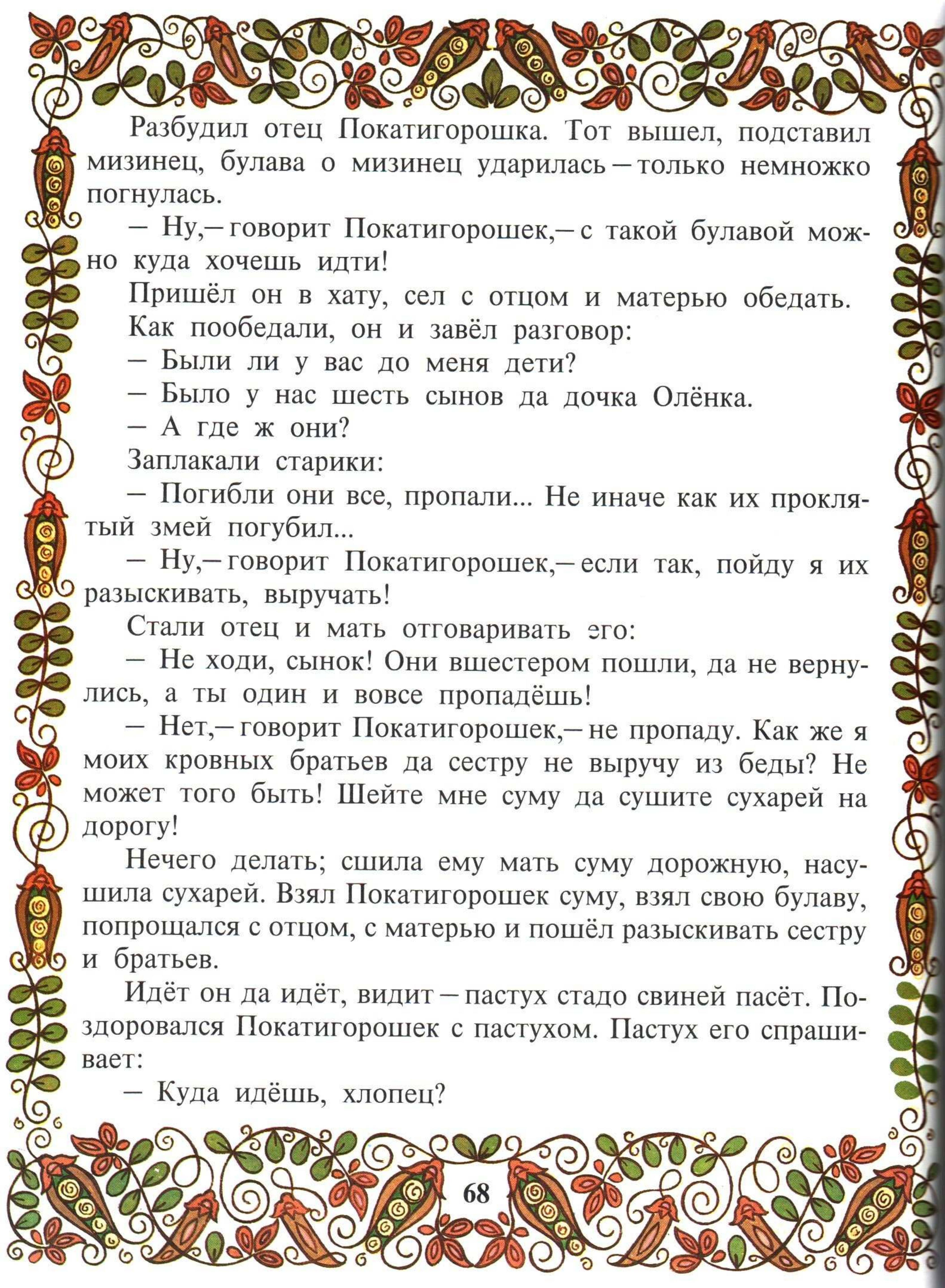
Крикнул кузнец своим помощникам:

— Заметайте скорее кузню! Просевайте мусор, ищите булавку: я ведь её на пол бросил!

Замели помощники кузню, собрали мусор в кучу, стали просевать. Просеяли и нашли булавку.

Взял кузнец булавку, положил в огонь — и стала она на глазах расти. Принялся кузнец ковать. И такую булаву выковал, что и двадцати молодцам не поднять. А Покатигорошек взял ту булаву одной рукой, принёс к себе во двор и подбросил в небо. А сам опять лёг спать на двенадцать суток. На тринадцатые сутки летит булава вниз, гудит страшно.

Разбудил отец Покатигорошка. Тот вышел, подставил мизинец, булава о мизинец ударилась — только немножко погнулась.

— Ну,— говорит Покатигорошек,— с такой булавой можно куда хочешь идти!

Пришёл он в хату, сел с отцом и матерью обедать. Как пообедали, он и завёл разговор:

— Были ли у вас до меня дети?

— Было у нас шесть сынов да дочка Олёнка.

— А где ж они?

Заплакали старики:

— Погибли они все, пропали... Не иначе как их проклятый змей погубил...

— Ну,— говорит Покатигорошек,— если так, пойду я их разыскивать, выручать!

Стали отец и мать отговаривать его:

— Не ходи, сынок! Они вшестером пошли, да не вернулись, а ты один и вовсе пропадёшь!

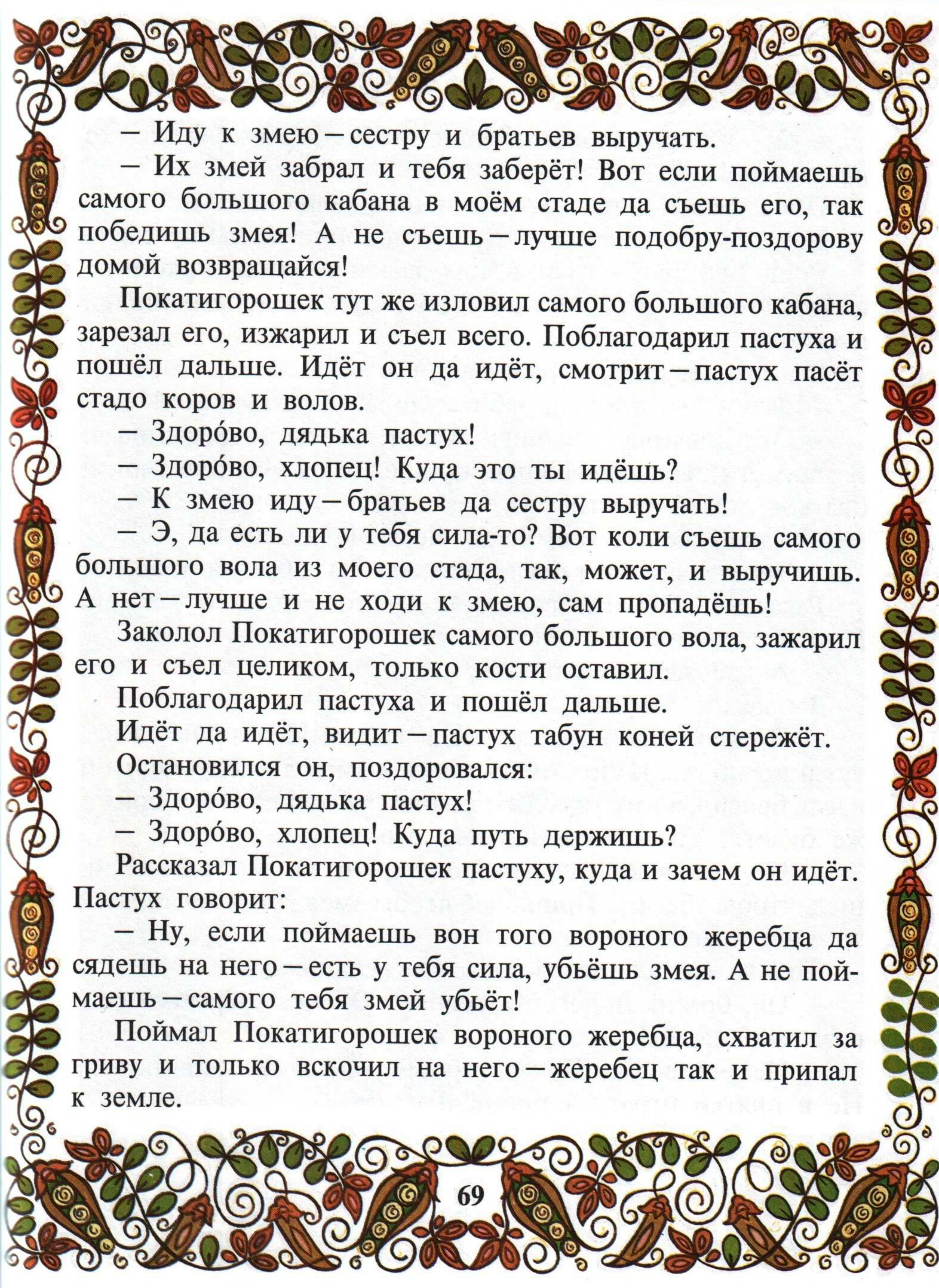
— Нет,— говорит Покатигорошек,— не пропаду. Как же я моих кровных братьев да сестру не выручу из беды? Не может того быть! Шейте мне суму да сушите сухарей на дорогу!

Нечего делать; сшила ему мать суму дорожную, насушила сухарей. Взял Покатигорошек суму, взял свою булаву, попрощался с отцом, с матерью и пошёл разыскивать сестру и братьев.

Идёт он да идёт, видит — пастух стадо свиней пасёт. Поздоровался Покатигорошек с пастухом. Пастух его спрашивает:

— Куда идёшь, хлопец?

— Иду к змею — сестру и братьев выручать.

— Их змей забрал и тебя заберёт! Вот если поймашь самого большого кабана в моём стаде да съешь его, так победишь змея! А не съешь — лучше подобру-поздорову домой возвращайся!

Покатигорошек тут же изловил самого большого кабана, зарезал его, изжарил и съел всего. Поблагодарил пастуха и пошёл дальше. Идёт он да идёт, смотрит — пастух пасёт стадо коров и волов.

— Здорóво, дядька пастух!

— Здорóво, хлопец! Куда это ты идёшь?

— К змею иду — братьев да сестру выручать!

— Э, да есть ли у тебя сила-то? Вот коли съешь самого большого вола из моего стада, так, может, и выручишь. А нет — лучше и не ходи к змею, сам пропадёшь!

Заколол Покатигорошек самого большого вола, зажарил его и съел целиком, только кости оставил.

Поблагодарил пастуха и пошёл дальше.

Идёт да идёт, видит — пастух табун коней стережёт.

Остановился он, поздоровался:

— Здорóво, дядька пастух!

— Здорóво, хлопец! Куда путь держишь?

Рассказал Покатигорошек пастуху, куда и зачем он идёт. Пастух говорит:

— Ну, если поймашь вон того вороного жеребца да сядешь на него — есть у тебя сила, убьёшь змея. А не поймашь — самого тебя змей убьёт!

Поймал Покатигорошек вороного жеребца, схватил за гриву и только вскочил на него — жеребец так и припал к земле.

— Э! — говорит Покатигорошек. — На таком коне далеко не уедешь!

Попрощался с пастухом и пошёл дальше.

Долго по лесу шёл и увидел большой-пребольшой двор.

Вошёл во двор — тихо; в дом заглянул — тихо, никого не видать (змеи-то в ту пору по свету летали, на добрых людей нападали).

Вышла девушка, спрашивает его:

— Зачем ты, хлопец, забрёл сюда? Кто ты такой?

— Эх, дивчина, дивчина! Какая же ты недогадливая! Я твой брат Покатигорошек, пришёл змею убить, а тебя и братьев домой увести!

— Какой же ты мне брат? Не знаю я тебя.

— Так я ж родился после того, как ты и братья пропали!

Рассказал Покатигорошек сестре об отце, о матери.

Потом спрашивает:

— А где же наши братья?

Заплакала девушка:

— Пришли братья сюда, меня выручить хотели, да все тут и погибли... Избил их проклятый змей до полусмерти и в яму бросил, а яму тяжёлым камнем завалил... И с тобой то же будет... Убегай лучше, пока его нету...

— Ну, — отвечает Покатигорошек, — не затем я сюда пришёл, чтобы убегать. Пришёл я, чтобы змею убить да вас всех из злой неволи выволить.

Только сказал — затряслась, загудела земля.

— Ой, братик дорогой! — говорит Олёнка. — Прячься скорее: змей летит!

— Нет, — отвечает Покатигорошек, — не буду я прятаться. Не в прятки играть я пришёл!

Прилетел змей, закричал:

— Фу! Фу! Человечьим духом пахнет!

— Как же не пахнуть,— отвечает Покатигорошек,— когда я к тебе пришёл?

— А ну, хлопец, чего тебе тут нужно? Биться или мириться пришёл?

— С таким губителем не мириться, а только биться!— говорит Покатигорошек.

— Хо-хо! Вот ты какой! Ну ладно, будь по-твоему. Только сначала пообедать нужно!

— Что ж, я не против!

Приказал змей подавать обед. Подала Олёнка.

— Погляжу я, каков ты силач,— говорит змей.— Можешь ли ты целого кабана съесть?

— А вот погляди!— отвечает Покатигорошек.

И съел кабана. Змей и глазом мигнуть не успел.

— А целого вола съешь?

— И это нетрудное дело.

Съел и вола.

— Молодец!— говорит змей.— А теперь посмотрим, как ты ещё одно угощение отведаешь.

И приказал принести мешок железных орехов; каждый орех — по кулаку.

Принесли орехи. Змей грызёт по два ореха, а Покатигорошек — по четыре.

Как сгрызли они все орехи, змей и говорит:

— Ну что же, биться или мириться?

— Биться!

— Так идём на гладкое место, на площадку.

— Идём.

Пришли на площадку. Дунул змей — стала площадка медной. Змей и говорит:

— Бей ты первый.

— Нет, — отвечает Покатигорошек, — бей ты сначала: ведь ты тут хозяин, а не я!

Вот ударил змей Покатигорошка по голове — по щиколотки в медную площадку его вогнал.

Вытащил Покатигорошек ноги, как замахнулся своей булавой, как ударил змея — вогнал его в медь по колени.

Вырвался змей, размахнулся, ударил Покатигорошка что было сил — и его по колени в медь вогнал... Обрадовался, да рано: Покатигорошек сейчас же вытащил ноги, изловчился и ударил змея булавой — вогнал его в медь по пояс. Хотел было змей вырваться, да не тут-то было: Покатигорошек его ещё раз булавой ударил. Не дал опомниться — в третий раз ударил и убил до смерти...

После того пришёл к сестре и спрашивает:

— Куда змей наших братьев запрятал?

Привела его Олёнка к камню — камень огромный, сотне казаков не сдвинуть. Покатигорошек толкнул его, камень так и отвалил в сторону, на мелкие крошки рассыпался.

— Живы ли вы, братцы мои родные? — спрашивает Покатигорошек.

А братья так ослабели, что и ответить не могут.

Вытащил Покатигорошек братьев из ямы, дал им с силами собраться и повёл их всех к отцу, к матери. А змеев двор спалил, чтобы и памяти о змее не осталось.

Увидели отец и мать всех своих детей живыми-здоровыми — то-то обрадовались! Стали их целовать, обнимать, к сердцу прижимать.

ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ

Ж

или себе дед да баба. У них было три сына: два умных, а третий — дурень. Старики умных любили. Баба умным, что неделя, рубашки даёт, а над дурнем все смеются, все его ругают. Сидит он на печи в посконной рубахе; сунет баба ему поесть — поест, а то и голодный сидит.

Вот пришла раз в деревню весть: выдаёт царь свою дочь замуж и собирает всё царство на обед. А выдаст царь дочку замуж за того, кто построит летучий корабль и на том корабле прилетит.

Умные братья пошли в лес.

Срубили там дерево и стали думать, как бы летучий корабль построить.

Подходит к ним старичок древний:

— Бог помочь, сыночки! Дайте-ка огоньку трубку раскурить!

— Некогда нам, старик, с тобой возиться!

И опять стали думать.

— Славное свиное корыто выйдет у вас, детки, — сказал старик. — А царевны вам не видать, как своих ушей!

Сказал — и не стало того старика. Бились, бились братья — ничего у них не вышло.

— Поедем в город на конях, — говорить старший брат. — На царевне не женимся, так хоть попируем.

Старики их благословили, в путь-дорогу снарядили. Напекла старуха пшеничного хлеба, поросёнка зажарила, фляжку мёду дала.

Сели братья на коней и отправились.

Дурень услышал, что братья поехали, тоже просится:

— Пойду и я туда, куда братья пошли!

— Куда ты, дурень, пойдёшь! — говорит мать. — Тебя в лесу волки заедят.

— Нет, не заедят!

«Пойду да пойду!» — сладу с ним не стало.

Ну, баба положила ему в торбу чёрствого хлеба да водицы фляжку дала и выпроводила из дому.

Пошёл дурень в лес. Повстречал на дороге древнего старичка. Такой старый старичок, а борода, совсем белая, до пояса.

— Здоровы будьте, дедушка!

— Здорóво, сынок!

— Куда вы, дедушка, идёте?

— Да вот хожу по свету, из беды людей выручаю. А ты куда?

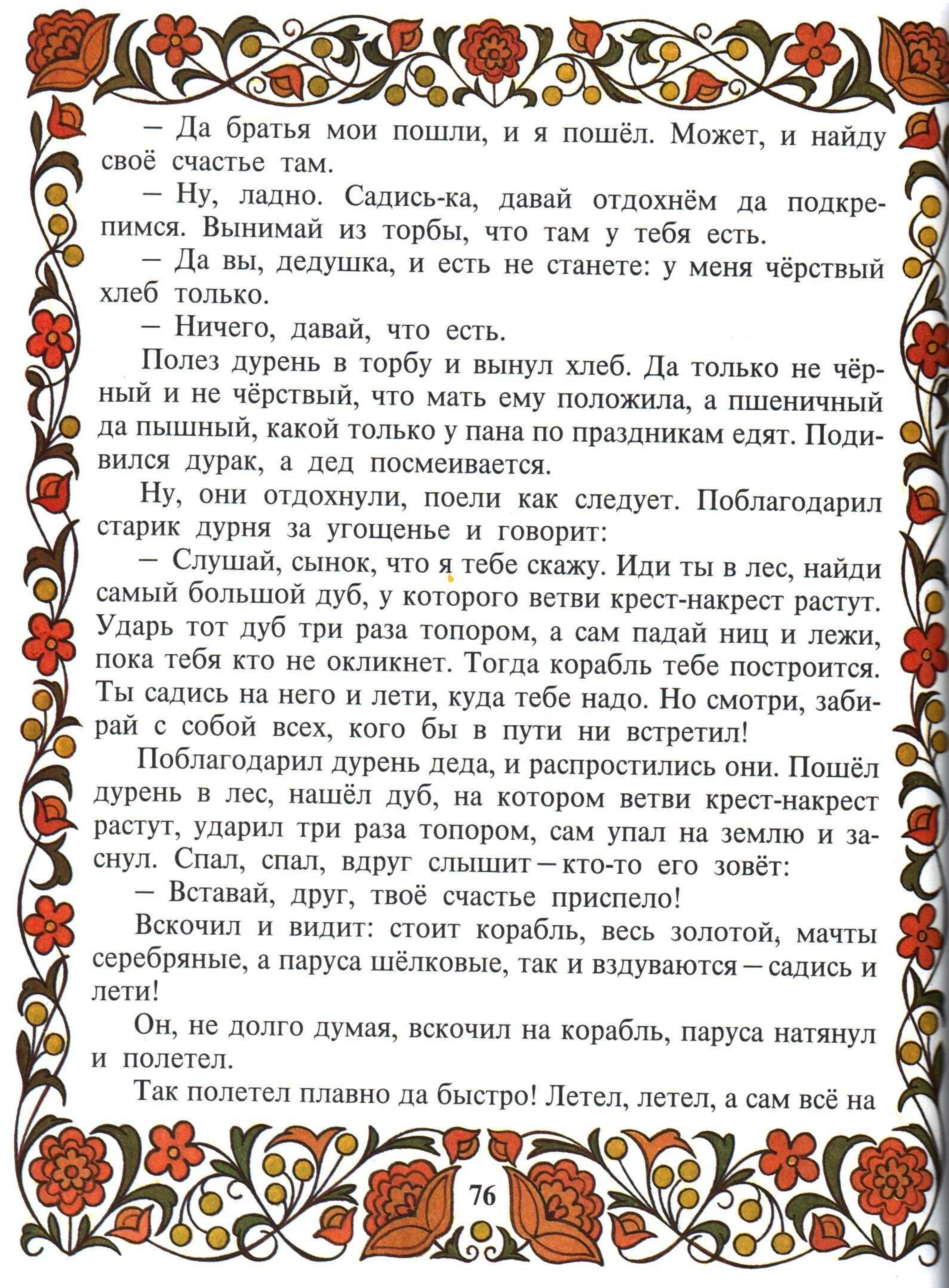
— Я к царю на обед.

— А ты разве сумеешь сделать такой корабль, чтобы сам летал?

— Нет, не сумею.

— Так что же ты идёшь?

— Да братья мои пошли, и я пошёл. Может, и найду своё счастье там.

— Ну, ладно. Садись-ка, давай отдохнём да подкрепимся. Вынимай из торбы, что там у тебя есть.

— Да вы, дедушка, и есть не станете: у меня чёрствый хлеб только.

— Ничего, давай, что есть.

Полез дурень в торбу и вынул хлеб. Да только не чёрный и не чёрствый, что мать ему положила, а пшеничный да пышный, какой только у пана по праздникам едят. Подивился дурак, а дед посмеивается.

Ну, они отдохнули, поели как следует. Поблагодарил старик дурня за угощение и говорит:

— Слушай, сынок, что я тебе скажу. Иди ты в лес, найди самый большой дуб, у которого ветви крест-накрест растут. Ударь тот дуб три раза топором, а сам падай ниц и лежи, пока тебя кто не окликнет. Тогда корабль тебе построится. Ты садись на него и лети, куда тебе надо. Но смотри, забирай с собой всех, кого бы в пути ни встретил!

Поблагодарил дурень деда, и распростились они. Пошёл дурень в лес, нашёл дуб, на котором ветви крест-накрест растут, ударил три раза топором, сам упал на землю и заснул. Спал, спал, вдруг слышит — кто-то его зовёт:

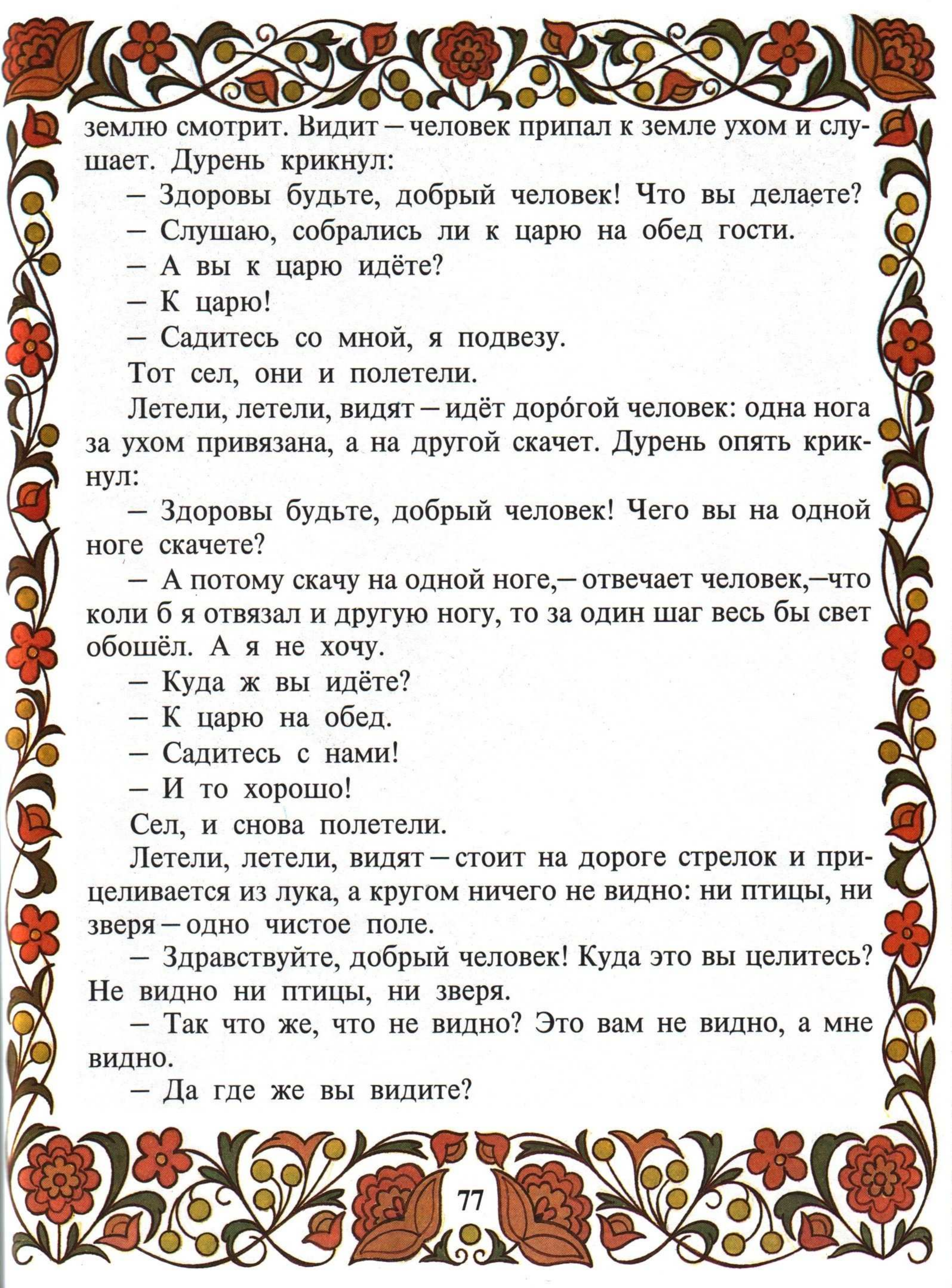
— Вставай, друг, твоё счастье пришло!

Вскочил и видит: стоит корабль, весь золотой, мачты серебряные, а паруса шёлковые, так и вздуваются — садись и лети!

Он, не долго думая, вскочил на корабль, паруса натянул и полетел.

Так полетел плавно да быстро! Летел, летел, а сам всё на

землю смотрит. Видит — человек припал к земле ухом и слушает. Дурень крикнул:

— Здоровы будьте, добрый человек! Что вы делаете?

— Слушаю, собрались ли к царю на обед гости.

— А вы к царю идёте?

— К царю!

— Садитесь со мной, я подвезу.

Тот сел, они и полетели.

Летели, летели, видят — идёт дорóгой человек: одна нога за ухом привязана, а на другой скачет. Дурень опять крикнул:

— Здоровы будьте, добрый человек! Чего вы на одной ноге скачете?

— А потому скачу на одной ноге, — отвечает человек, — что коли б я отвязал и другую ногу, то за один шаг весь бы свет обошёл. А я не хочу.

— Куда ж вы идёте?

— К царю на обед.

— Садитесь с нами!

— И то хорошо!

Сел, и снова полетели.

Летели, летели, видят — стоит на дороге стрелок и прицеливается из лука, а кругом ничего не видно: ни птицы, ни зверя — одно чистое поле.

— Здравствуйте, добрый человек! Куда это вы целитесь? Не видно ни птицы, ни зверя.

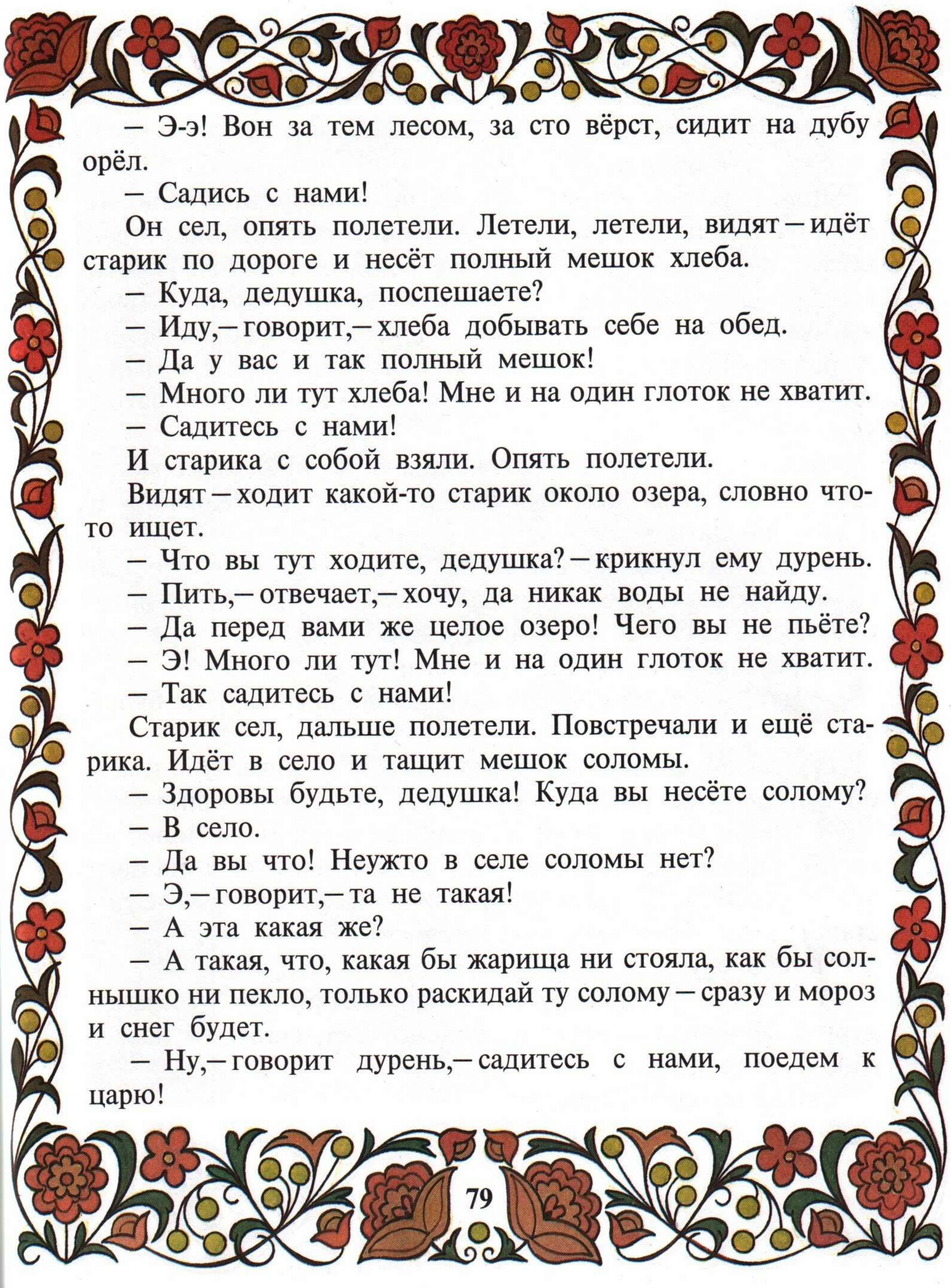
— Так что же, что не видно? Это вам не видно, а мне видно.

— Да где же вы видите?

— Э-э! Вон за тем лесом, за сто вёрст, сидит на дубу орёл.

— Садись с нами!

Он сел, опять полетели. Летели, летели, видят — идёт старик по дороге и несёт полный мешок хлеба.

— Куда, дедушка, поспешаете?

— Иду,— говорит,— хлеба добывать себе на обед.

— Да у вас и так полный мешок!

— Много ли тут хлеба! Мне и на один глоток не хватит.

— Садитесь с нами!

И старика с собой взяли. Опять полетели.

Видят — ходит какой-то старик около озера, словно что-то ищет.

— Что вы тут ходите, дедушка? — крикнул ему дурень.

— Пить,— отвечает,— хочу, да никак воды не найду.

— Да перед вами же целое озеро! Чего вы не пьёте?

— Э! Много ли тут! Мне и на один глоток не хватит.

— Так садитесь с нами!

Старик сел, дальше полетели. Повстречали и ещё старика. Идёт в село и тащит мешок соломы.

— Здоровы будьте, дедушка! Куда вы несёте солому?

— В село.

— Да вы что! Неужто в селе соломы нет?

— Э,— говорит,— та не такая!

— А эта какая же?

— А такая, что, какая бы жарища ни стояла, как бы солнышко ни пекло, только раскидай ту солому — сразу и мороз и снег будет.

— Ну,— говорит дурень,— садитесь с нами, поедem к царю!

— Что ж, поедем.

Сел, и полетели.

Долго ли они летели, нет ли, но прилетели к царю на обед. А там посреди двора столы понаставлены, на столах всякое угощение: быки жареные, колбасы и птица всякая, каша молочная, всего полным-полно, бочки пива выкачены — пей, душа, ешь, душа, сколько хочешь! А людей — полцарства собралось: и старые и малые, и паны, и богатые и бедняки — каких только нет! И старшие братья, умные, тут же сидят.

Вот прилетел дурень с товарищами на золотом корабле, спустился у царя под окнами. Вышли они с корабля и пошли обедать.

Удивился царь. Прилетел на золотом корабле простой мужик, рубаха на нём — заплатка на заплате, штаны старые, простые, а сапог и вовсе нет.

Царь так за голову и схватился:

— Чтобы я свою дочку за такого холопа выдал? Не будет этого!

И стал он думать, как избавиться от мужика. Придумал он ему загадки загадывать. Позвал слугу и говорит:

— Пойди скажи этому холопу: хоть он и на золотом корабле прилетел, не видать ему моей дочери, если не принесёт живой воды, пока гости мои не пообедают. А не достанет воды — мой меч, его голова с плеч!

Пошёл слуга.

А Слухало услышал, что царь говорит, и рассказал дурню. Приуныл дурень: не ест, не пьёт, сидит на лавке, голову опустил.

Скороход спрашивает:

— Ты чего вдруг приуныл?

— Хочет мне царь задачу дать: чтобы я, пока гости обедают, принёс ему живой воды. Как я её добуду?

— Не горюй, я тебе достану.

— Ну, смотри.

Слуга приходит с царским приказом. А дурень уже всё знает.

— Скажи,— говорит,— что принесу!

Отвязал Скороход одну ногу от уха да как махнул — в один миг набрал живой воды. Набрал, утомился.

«Пока они ещё там обедают,— думает,— сяду я под кустик, отдохну немного».

Сел да и заснул. У царя уже обед к концу идёт, а его всё нет. Дурень сидит ни живой ни мёртвый. «Пропал»,— думает. Слухало приложил ухо к земле — давай слушать. Слушал, слушал...

— Не горюй,— говорит,— спит он, такой-сякой, под кустиком.

— Что же мы теперь будем делать? — спрашивает дурень.— Как его разбудить?

Стрелок отвечает:

— Не бойся, я его сейчас разбужу.

Натянул он лук, пустил стрелу в кустик; ветки зашатались и поцарапали Скорохода. Он вскочил, шаг шагнул — гости ещё обедать не кончили, а он уж принёс живую воду. Царь подивился, но ничего не сказал.

— Пойди,— говорит слуге,— скажи этому хлопцу: коли съест со своими товарищами за один раз двенадцать пар быков жареных и двенадцать печей хлеба — отдам мою дочку за него. А не съест — мой меч, его голова с плеч!

Слухало услышал, опять рассказал дурню.

— Что мне теперь делать? Я и одного хлеба за один раз не съем! — говорит дурень.

И опять голову повесил, запечалился.

Услыхал Обьедало:

— Не горюй, друг: я за вас за всех поем, ещё и мало будет.

Приходит слуга, а дурень ему и говорит:

— Знаю, знаю царский приказ! Пойди скажи — пусть готовят еду.

Вот зажарили двенадцать пар быков, напекли двенадцать печей хлеба. Обьедало как принялся уплетать — всё начисто поел да ещё просит.

— Эх, — говорит, — мало, хоть бы ещё столько дали!

Царь сердиться стал. Дал ещё задачу: велел двенадцать бочек пива и двенадцать бочек кваса одним духом выпить.

— Не выпьет — мой меч, его голова с плеч!

Слухало услышал приказ, опять дурню рассказал. А Опивало и говорит:

— Ладно, друг, не горюй: я всё выпью, ещё и мало будет.

Выкатили им двенадцать бочек пива и двенадцать бочек кваса. Принялся Опивало пить — всё до капли выпил и побрякивает:

— Скучно царь угощает, маловато! Ещё бы столько выпил.

Царь видит, что дело плохо, и думает: «Надо дурня со свету сжить!»

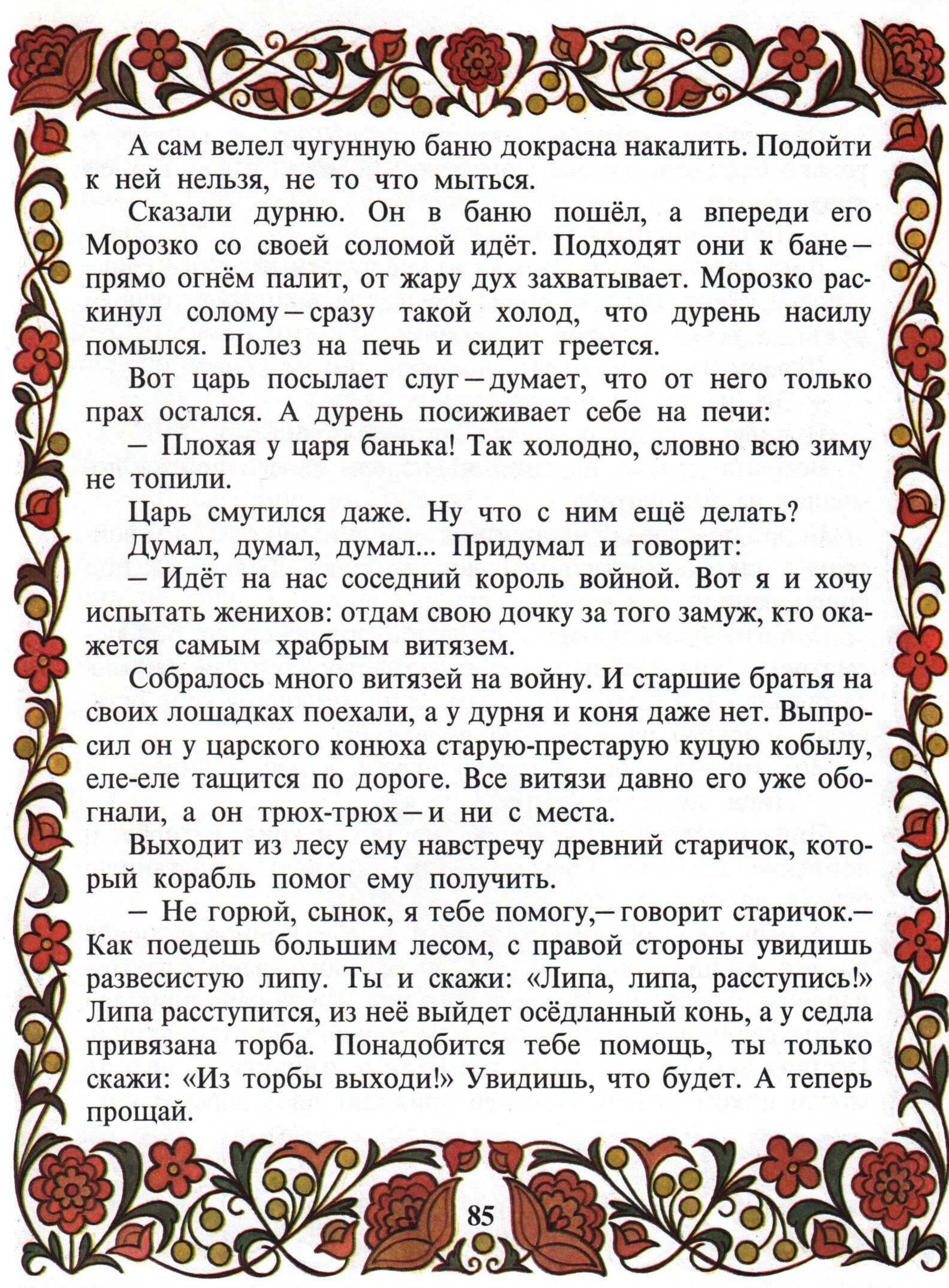
Посылает опять слугу:

— Пойди скажи, чтобы перед свадьбой в баню сходил.

А сам велел чугунную баню докрасна накаливать. Подойти к ней нельзя, не то что мыться.

Сказали дурню. Он в баню пошёл, а впереди его Морозко со своей соломой идёт. Подходят они к бане — прямо огнём палит, от жару дух захватывает. Морозко раскинул солому — сразу такой холод, что дурень насилу помылся. Полез на печь и сидит греется.

Вот царь посылает слуг — думает, что от него только прах остался. А дурень посиживает себе на печи:

— Плохая у царя банька! Так холодно, словно всю зиму не топили.

Царь смутился даже. Ну что с ним ещё делать?

Думал, думал, думал... Придумал и говорит:

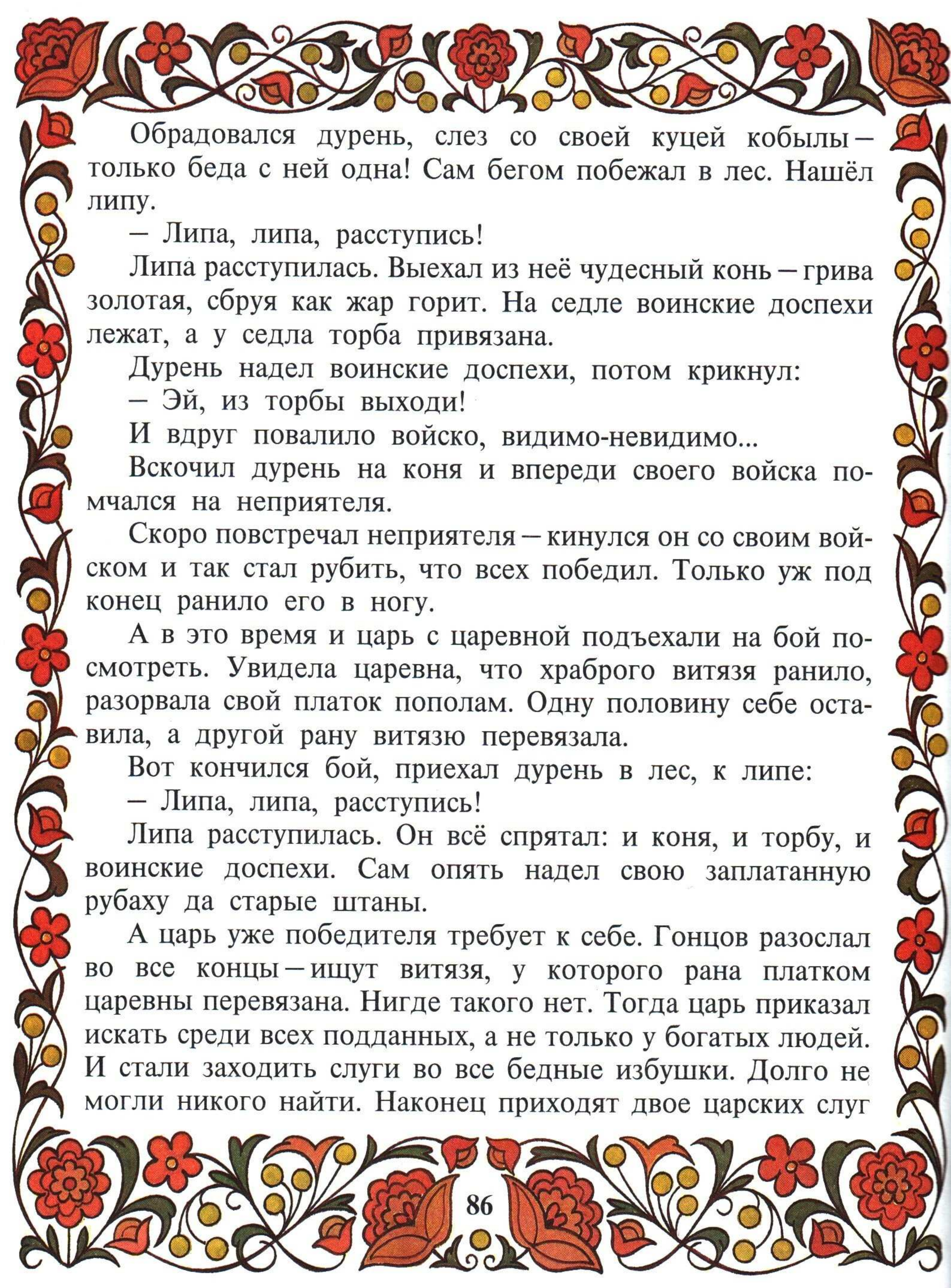
— Идёт на нас соседний король войной. Вот я и хочу испытать женихов: отдам свою дочку за того замуж, кто окажется самым храбрым витязем.

Собралось много витязей на войну. И старшие братья на своих лошадках поехали, а у дурня и коня даже нет. Выпросил он у царского конюха старую-престарую куцую кобылу, еле-еле тащится по дороге. Все витязи давно его уже обогнали, а он трюх-трюх — и ни с места.

Выходит из лесу ему навстречу древний старичок, который корабль помог ему получить.

— Не горюй, сынок, я тебе помогу, — говорит старичок. — Как поедешь большим лесом, с правой стороны увидишь развесистую липу. Ты и скажи: «Липа, липа, расступись!» Липа расступится, из неё выйдет осёдланный конь, а у седла привязана торба. Понадобится тебе помощь, ты только скажи: «Из торбы выходи!» Увидишь, что будет. А теперь прощай.

Обрадовался дурень, слез со своей куцей кобылы — только беда с ней одна! Сам бегом побежал в лес. Нашёл липу.

— Липа, липа, расступись!

Липа расступилась. Выехал из неё чудесный конь — грива золотая, сбруя как жар горит. На седле воинские доспехи лежат, а у седла торба привязана.

Дурень надел воинские доспехи, потом крикнул:

— Эй, из торбы выходи!

И вдруг повалило войско, видимо-невидимо...

Вскочил дурень на коня и впереди своего войска помчался на неприятеля.

Скоро повстречал неприятеля — кинулся он со своим войском и так стал рубить, что всех победил. Только уж под конец ранило его в ногу.

А в это время и царь с царевной подъехали на бой посмотреть. Увидела царевна, что храброго витязя ранило, разорвала свой платок пополам. Одну половину себе оставила, а другой рану витязю перевязала.

Вот кончился бой, приехал дурень в лес, к липе:

— Липа, липа, расступись!

Липа расступилась. Он всё спрятал: и коня, и торбу, и воинские доспехи. Сам опять надел свою заплатанную рубаху да старые штаны.

А царь уже победителя требует к себе. Гонцов разослал во все концы — ищут витязя, у которого рана платком царевны перевязана. Нигде такого нет. Тогда царь приказал искать среди всех подданных, а не только у богатых людей. И стали заходить слуги во все бедные избушки. Долго не могли никого найти. Наконец приходят двое царских слуг

в избушку на самом краю города. Там старшие братья в это время за обедом сидели, а дурень пёк им лепёшки. И одна нога у него была перевязана платком царевны. Царские слуги тут же хотели его вести во дворец.

А он просится:

— Братцы, как я к царю такой лохматый пойду! Отпустите меня хоть в баню сходить. А вы тут с обедом меня подождите.

— Ну ладно, только мойся скорей.

Сами за стол сели, лепёшки уплетают за обе щеки. А дурень в лес побежал. Прибежал к липе:

— Липа, липа, расступись!

Липа расступилась, выскочил конь. Дурень переоделся и стал такой видный да красивый — прямо загляденье. Вскочил на коня и поехал к царю.

Царь с царевною обрадовались, встретили витязя с почестями и тут же стали свадьбу справлять.

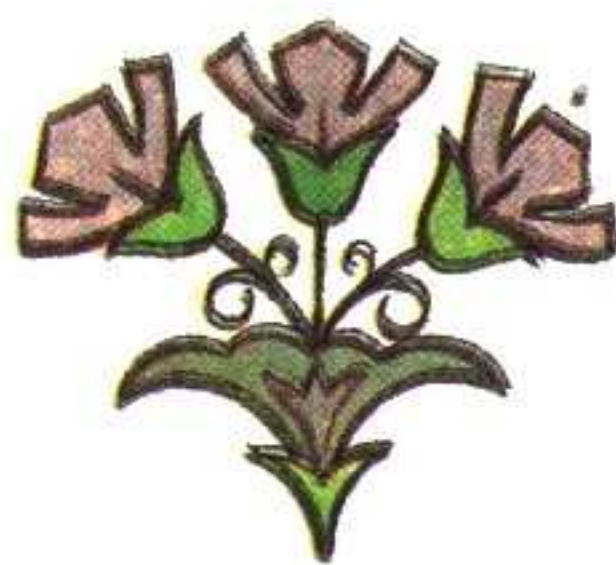
**украинские
народные
сказки**

СОДЕРЖАНИЕ

СОЛОМЕННЫЙ БЫЧОК. Пересказ А. Нечаева	5
ПАН КОТОФЕЙ. Пересказ Е. Благиной	9
СЕРКО. Пересказ Е. Благиной	14
РАЗУМНИЦА. Пересказ Е. Благиной	18
НАЗВАННЫЙ ОТЕЦ. Пересказ Е. Благиной	25
ОХ. Пересказ А. Нечаева	31
ИВАН-ПОБИВАН. Пересказ В. Синенко	42
СТАРИКОВА ДОЧКА	
И СТАРУХИНА ДОЧКА. Пересказ Е. Благиной	47
ПОКАТИГОРОШЕК. Пересказ М. Булатова	59
ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ. Пересказ А. Нечаева	74

Литературно-художественное издание

Д л я   д о ш к о л ь н о г о   в о з р а с т а

ПОКАТИГОРОШЕК

Украинские народные сказки

Ответственный редактор **Н. М. Мартынова**

Художественный редактор **Т. Ю. Никитина**

Технический редактор **И. П. Савенкова**

Корректор **В. В. Борисова**

ИБ № 10962

Сдано в набор 30.01.89. Подписано к печати 15.09.89.

Формат 60 × 90¹/₈. Бум. офс. № 1. Шрифт таймс.

Печать офс. Усл. печ. л. 11. Усл. кр.-отт. 46.

Уч.-изд. л. 9,29. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2242.

Цена 2 р. 20 к.

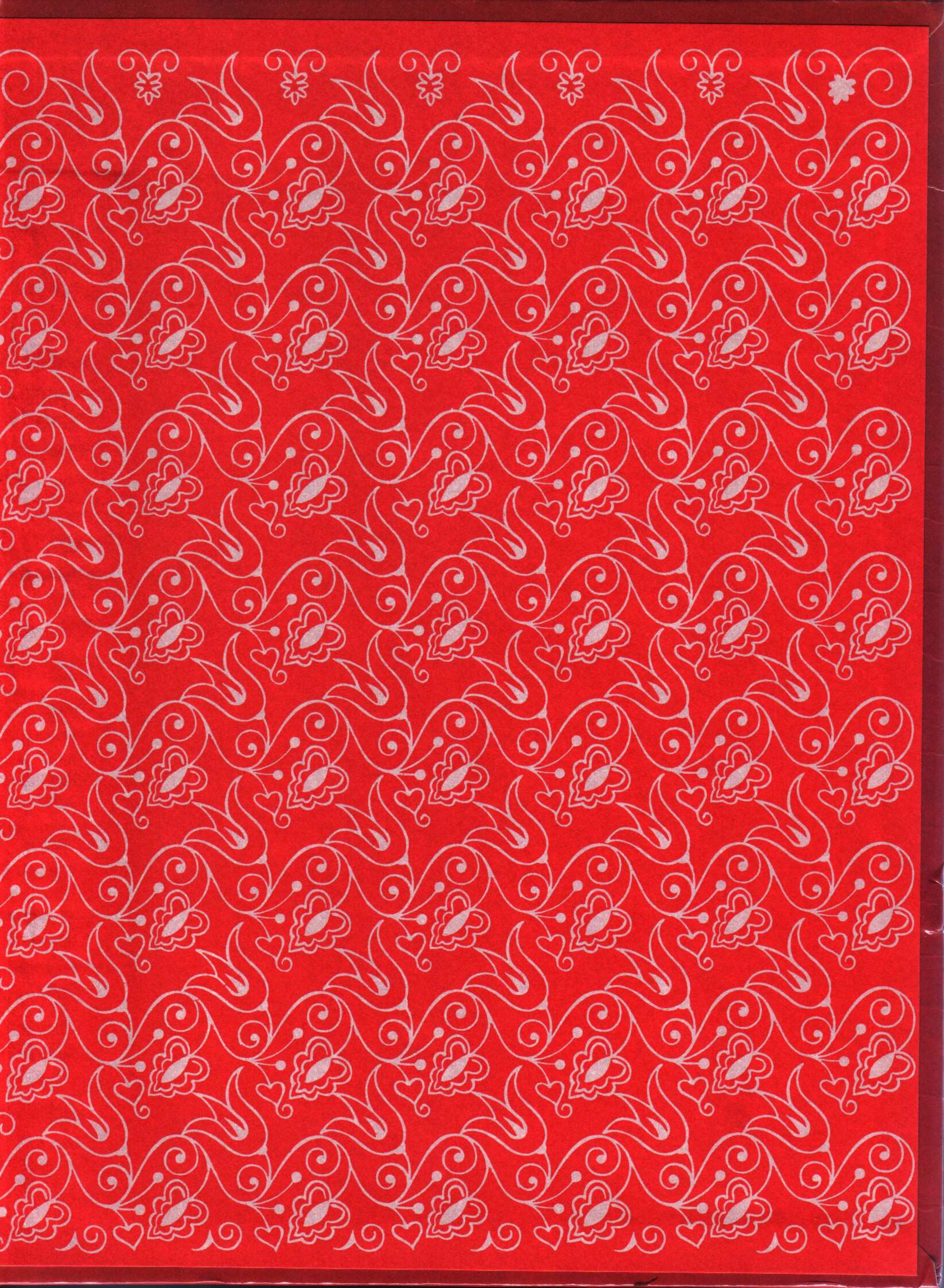
Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство
«Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр,
М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Госкомиздата
РСФСР. 127018, Москва, Сушевский вал, 49.

2 р. 20 к.

**Издательство
„Детская литература“**